

18+

ЕКАТЕРИНА
РИЗ

ЕДИНОЖДЫ
СОЛГАВ

Екатерина Риз

Единожды солгав

«Издательские решения»

Риз Е.

Единожды солгав / Е. Риз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930755-2

Где та грань, которая разделяет фантазию и ложь? Казалось бы, что плохого в том, что детдомовская девочка придумает себе другую историю, другую жизнь? Но это та же игра, увлечься которой очень соблазнительно и просто. Но жизнь научила Алёну Малахову подниматься раз за разом и начинать всё сначала. И, может быть, наступит тот день, появится тот мужчина, перед которым можно будет не притворяться. Но через что ещё придётся пройти ради этого, в ком разочароваться и с кем расстаться?

ISBN 978-5-44-930755-2

© Риз Е.

© Издательские решения

Содержание

1 ГЛАВА	6
2 ГЛАВА	17
3 ГЛАВА	29
4 ГЛАВА	47
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Единожды солгав

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2023

ISBN 978-5-4493-0755-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 ГЛАВА

Алёна уже больше десяти минут сидела в такси, не находя в себе смелости выйти. Даже в окно не смотрела, взгляд остановился на подголовнике потёртого сидения «логана», и Алёна сидела и думала о том, скольких людей до неё, с их проблемами и бедами, видел салон этого автомобиля. Наверняка немало, раз водитель понимающе молчит и её не торопит. Хотя, к чему её торопить? Счётчик отсчитывает рубли.

На деньги было наплевать. Алёна то и дело тёрла ладони друг о дружку, они были ледяные, но отчего-то влажные. Это было неприятно, и она их тёрла, тёрла. Понимала, что всё это не от волнения. Её накрыла паника, приступ отчаянной трусости. Не хотелось выходить из такси, хотелось попросить водителя отвезти её обратно на железнодорожный вокзал. Купить билет на первый поезд, что остановится на платформе, и уехать, куда глаза глядят. Как она однажды и сделала. И почему-то за все прошедшие годы никогда, правда, ни разу, не подумала о том, что ей придётся вернуться. Хотя, городок, в котором она родилась, находился всего в нескольких часах езды на поезде от крупного областного центра, в котором она теперь жила. Возможно, на машине даже быстрее доберёшься. Но она никогда не проверяла. Невероятно, но факт. Алёна ни разу в своей жизни не преодолевала это расстояние на автобусе или машине. В детстве её никто никуда не возил, а когда ей исполнилось семнадцать, и ей вручили диплом об окончании школы, она тут же купила билет на поезд и уехала. Как мечтала.

И получилось так, что и вернулась на поезде.

Водитель, лысый мужчина лет сорока, всё же рискнул обернуться через плечо, на неё посмотрел. Выжидающе. Алёна тоже на него посмотрела.

– Я вас задерживаю?

– Да нет, – отозвался он, но в голосе проскользнули удивлённые нотки. Наверное, подобное замешательство клиентов ему всё же было в диковинку. – Сидите. Может, вам воды? У меня есть.

Алёна качнула головой.

– Нет, спасибо. Я лучше с вами расплачусь.

Она открыла новую сумочку от Fendy, достала изящное портмоне. Подарок будущей све-крови. Протянула таксисту пятисотрублёвую купюру, и негромко проговорила:

– Сдачи не надо.

По меркам маленького города, это была внушительная сумма за столь недолгую поездку, и на счётчике отображалась куда меньшая. Зато таксист заметно оживился, поблагодарил, а Алёна, наконец, открыла дверь. Нельзя бесконечно прятаться в такси. Нужно выйти и сделать то, зачем она приехала. Решить проблему... если проблема, вообще, существует, потом уехать, и всё забыть. Наконец, жить, не вспоминая. Она ведь все эти годы верила, что когда-нибудь наступит такой день, когда она откроет утром глаза, и поймёт, что она живёт сегодняшним днём, без оглядки, без воспоминаний, без страха быть разоблачённой. И почему-то верилось, что этот день придёт совсем скоро. Раз уж свидетелей становится всё меньше и меньше. Вот и главного свидетеля... нет, наверное, всё-таки виновника всех её бед, позавчера не стало.

Алёна захлопнула за собой дверь автомобиля, и отошла на пару шагов. Огляделась. Череда трёхэтажных деревянных домов, некоторые заметно покосились от времени, но кое-где в оконных проёмах белели новые пластиковые окна. Во дворах палисадники, ржавые гаражи-ракушки, поломанные детские качели и клумбы, сооружённые из ненужных автомобильных шин. Что-то из этого Алёна помнила, нечёткие картины всплывали в памяти, хотя, прошло почти двадцать лет. Последний раз она была здесь ещё девочкой. И этот двор казался ей родным, целым миром, который было очень страшно покидать. И назло всему она долгие годы

помнила вот эти качели, треск соседского мотоцикла, рыжего кота, которого любила гладить. А сейчас вспомнила особенно чётко, и от этого воспоминания недовольно поморщилась.

Рабочий посёлок, даже не городского типа. Здесь она провела первые годы своей жизни. Здесь мало, что изменилось. Разве что из рабочего посёлок превратился в обычный, потому что ткацкая фабрика давным-давно закрылась. И со временем в посёлке оставалось всё меньше молодёжи, все подались в город – жить, учиться, зарабатывать.

Из подъезда вышла женщина, грузная, в цветастом платье и с причёской, что любили делать когда-то. Алёна такой уже давно не встречала. Мелкие короткие кудряшки, созданные химической завивкой, а волосы, покрашенные в рыжий цвет, будто сами кричали, что их красили хной, а не краской в салоне. Женщина вышла, присмотрелась к ней. На какую-то секунду они замерли, разглядывая друг друга, после чего дама с «химией» несмело позвала:

– Алёна?

Алёна не сдержалась и вздохнула. Заставила себя кивнуть, даже улыбку попыталась изобразить, но вышло криво и неестественно.

– Здравствуй, тётя Маш.

Тётя Маша, которую Алёна не видела больше десяти лет, и, признаться, не в первый момент узнала, вдруг очень знакомо, опять же из детства, всплеснула руками, и поспешила к ней навстречу.

– Алёна, девочка моя! Ты приехала!

Что Алёна помнила отлично, так это то, что тётя Маша имела весьма зычный голос и деревенский говор, о чём и напонила, заголосив вдруг на весь двор. Вот этого совсем не хотелось, внимание соседей привлекать. И Алёна, позволив себя обнять, лишь попросила:

– Тише. Я приехала, всё хорошо.

Тётка сжала её в объятиях, расцеловала в обе щеки, и внимательным взглядом уставилась в её лицо. Алёна мысленно просила себя успокоиться. Не паниковать из-за чужого любопытства, пусть вроде как и родственного, не из-за объятий, которыми её обычно не баловали, и приучена она к ним и к поцелуям не была. Но обижать человека не хотелось. В конце концов, тётя Маша доводится ей родной тёткой по отцу. Если верить маме, конечно. А на слово ей поверит только последний дурак и простофиля.

Тётя Маша отступила на шаг, всё разглядывала её, как нечто диковинное, потом рукой махнула. Из её груди вырвался судорожный, трагичный вздох.

– Да что уж хорошего. И не было ничего хорошего, а кончилось всё совсем плохо. А я ведь говорила, я предупреждала, – запричитала она, а Алёне вновь захотелось поморщиться. А ещё лучше развернуться и уйти. И, возможно, в какой-то момент она и поддалась бы своей панике, что стучала в висках одним единственным словом: «Беги, беги», но такси уже успело уехать, а как выбраться с этой улицы без машины, Алёна уже не помнила. Где-то должна была быть автобусная остановка, они, кажется, проезжали мимо, но она совершенно не запомнила.

– Какая же ты красавица, – качнула тётка головой. Даже руку к груди приложила. – Витя бы посмотрел, не поверил. – Тётя Маша окинула её всю, с ног до головы, долгим взглядом. Потом опомнилась, снова сделала шаг навстречу и Алёну обняла. – Я очень рада, что ты приехала, что мы встретились. Несмотря ни на что. Родные всё-таки люди.

Алёна всё же улыбнулась ей, заставила себя. Как ни крути, а тётя Маша – единственный человек из её детства, которого она вспоминает с теплом, который хотя бы попытался помочь. И поэтому Алёна приехала после её звонка. Позвони ей кто другой, и сообщи новость, наверное, просто положила бы трубку. А к тётке Маше приехала.

– Я тоже рада вас видеть, – сказала она. Может, не совсем искренне, больше радости было бы, увидясь они в другом месте, но всё же от души.

– А я рада, что у тебя всё хорошо, – сказала родственница. – Платье вон какое красивое.

Алёна лишь кивнула. А тётя Маша аккуратно взяла её под руку и развернула в сторону дома. Они даже вместе сделали первый шаг к подъезду, хотя, всё существо Алёны против этого протестовало. Ей даже показалось, что её начинает подташнивать.

– Я с утра здесь, – вдруг торопливо, взволнованно, и понизив голос, заговорила тётя Маша. – Милиция опять приезжала, всё протоколы составляют, вопросы соседям задают. А какие уж тут вопросы, когда дело сделано? Убили Томку-то.

От этих слов у Алёны мороз по коже пошёл, несмотря на то, что на улице стояла жара. А её охватил озноб и страх. Она даже остановилась на крыльце подъезда, не находя в себе сил переступить порог. И, если бы не тётя Маша, что потянула её за собой за руку, возможно, и не нашла бы этих самых сил. Но вот Алёна уже поднимается по крутой деревянной лестнице, по стёртым за многие годы ступеням, и практически заставляет себя вслушиваться в голос тётки, неприятный, навязчивый и окающий. А ведь ей даже не интересно, что она скажет.

Но если не интересно, тогда зачем приехала? Почему не пообещала послать денег на похороны, и жила бы себе спокойно дальше? Но нет, она заказала билет на первый утренний поезд, и приехала.

Они поднялись на третий этаж, и оказались на тесной лестничной клетке с деревянными перилами. Алёна на них уставилась. Не на дверь квартиры, в которой когда-то жила, это было слишком страшно, а на перила. Вот их она отлично помнила. Они снились ей в кошмарах. Непонятно, почему именно перила, но каждый раз, когда она во сне не добиралась до желанной цели и падала вниз, она падала именно с этой старой лестницы, и ухватиться пыталась вот за эти перила. Во сне ей это ни разу не удалось сделать.

Дверь оказалась всё той же, что и в её воспоминаниях. Деревянная, разошедшаяся, с большим сквозным замочным отверстием. Если в него посмотреть, можно было увидеть прихожую и часть маленькой кухни. Алёна даже вспомнила холод замочной скважины вокруг своего глаза, и её передёрнуло. А тётя Маша уже дверь толкнула, и та распахнулась. Без скрипа, зато неприятно, безжизненно стукнулась о пустую стену за ней. А Алёна замерла перед дверным проёмом, глядя на ободранные стены квартиры, и понимая, что её накрыло запахом прошлого. Запахом дешёвого алкоголя, немытой посуды, грязного постельного белья и нестиранных детских колготок. В сумочке лежал флакон духов от Шанель, и у Алёны даже рука дёрнулась, так захотелось достать его и побрызгать на себя, чтобы кроме сладко-острого аромата великолепных духов, ничего не чувствовать. Вот только глаза ей никто не закроет.

– Алёна, входи, – сказала тётя Маша, вдруг осознав, что Алёна так и стоит в подъезде. – Тут уже всё отмыли.

Час от часу не легче.

– У меня от этого места мороз по коже, – призналась она.

Тётка окинула взглядом ободранные стены. Понимающе кивнула.

– Да уж, есть чему ужаснуться.

Алёна всё-таки вошла в квартиру. Та же мебель, только из устаревшей превратившаяся в полуразвалившуюся; те же обои, местами уже свисающие со стен лохмотьями; грязная ванная, захламлённый балкон, и всё та же вонь. Она перевела взгляд на кухонный стол и увидела таракана. Спокойно наблюдала за тем, как он ползает по столу, между грязных тарелок и опрокинутых рюмок, и вдруг про себя усмехнулась. Вот так, будь она сейчас дома, рядом с Вадимом, попыталась бы изобразить шок и обморок, а здесь стоит и смотрит, и ей даже не противно. Она много лет жила с этими тараканами, ела с ними из одних тарелок, и не брезговала. Ей и сейчас не противно, ей страшно.

Несколько шагов до небольшой комнаты. В ней разобранный старенький диван, постельное белье на нём, по цвету напоминающее пол, на котором она сейчас стоит. Стенка «Русь», с не закрывающимися дверцами и выбитыми в буфете стёклами. А перед диваном, на полу, мелом нарисован контур человеческого тела. На него Алёна посмотрела и тут же отвернулась.

Испугавшись, что ничего не почувствовала. А ведь совсем недавно этот контур был живым человеком, её матерью. Ужас и кошмар. Почему она ничего не чувствует? Ей страшно и противно за себя, а не за умершую мать.

– Она жила одна? – спросила Алёна. Вдруг увидела на стене старое, чёрно-белое фото без рамки, и подошла ближе. На фото были бабушка и дедушка, Алёна их совсем не помнила.

– Последние пять лет, – сказала тётка. – Периодически появлялись какие-то мужчины, жили, пили. – Она беспомощно махнула рукой. – Да что тут говорить. Ничего хорошего в Томкиной жизни не было. Всю жизнь непутёвая. Ничему не научилась.

– Почему же? – меланхолично отозвалась Алёна. – Она прекрасно умела рожать детей. Плодовита была, как кошка.

Тётя Маша помолчала, к ней приглядываясь, Алёне показалось, что с некоторым смущением. После чего едва заметно кивнула.

– Это да.

Алёна к ней повернулась. Взглянула открыто.

– Признаться, я даже не знаю, сколько у меня братьев и сестёр. Когда меня отсюда забрали, нас было трое.

– Зоя и Виталик. Ты ни с кем не общаешься? Я никогда тебя об этом не спрашивала.

Алёна лишь плечами пожала.

– А зачем? Мне было десять, Виталику шесть, а Зое и вовсе два года. Они меня не помнят и не знают. Хотя, я с ними нянчилась. Я их помню.

Тётя Маша вздохнула, головой покрутила, видимо, выискивая взглядом, куда присесть, но так ничего подходящего и не обнаружила, и осталась стоять.

– Томка ещё четверых родила.

Алёне от такой новости захотелось зажмуриться. Шестеро, шестеро братьев и сестёр. И половину из них она никогда не видела.

– Близнецы, Оля с Галей, и потом двое мальчишек, у них разница в два года. Боря и Алан.

– Алан?

– . Он самый младший, ему сейчас лет восемь, как я думаю.

– Как же она имя-то ему такое выбрала?

– У него отец то ли армянин, то ли осетин. На рынке у нас торговал. Надо сказать, что с ним Томка за ум взялась, не пила, дома сидела. Детьми занималась. Люди уж подумали, что баба опомнилась, успокоилась. А потом Леван на родину поехал, ну она и ударилась во все тяжкие без него. Он через пару месяцев вернулся, на всё это посмотрел, сына забрал и уехал. Больше и не приезжал.

– То есть, самый младший с отцом?

– Надеюсь, что так. – Тётя Маша руками развела.

– А остальные?

Тётка к окну подошла, аккуратно оперлась рукой на пыльный подоконник. Кажется, ей было тяжело стоять.

– Виталик мне звонит, он в Воркуте живёт. Служил там, да так и остался, женился. Ребёночек у них. Зойка здесь, появляется на глаза время от времени. А младшие... – Тётя Маша вздохнула. – Когда опека в последний раз пришла, Томка уже и разум и совесть окончательно потеряла. Дети бедные, соседи подкармливали, я приходила, ругала её. Но всё бестолку. Леван когда её бросил, уехал, Томка совсем с катушек слетела. Про детей и думать забыла. А они мал-мала меньше. – Она ладонь к груди прижала. – Как вспомню, аж сердце заходится. Зойка подросток, Оле с Галей по семь лет, да Борьке годика четыре. Голодные, грязные. Опека несколько раз приходила. Заберут, обратно вернут; заберут, обратно везут. Видите ли, шанс дают матери на исправление. А какое уж тут исправление? Томка и раньше-то исправляться не желала

никак. Потом совсем забрали, сказали, что в патронатную семью в области пристроили. Какой-то семейный дом.

– Всех вместе?

– Трех младших. Виталик как раз в армию собирался, а Зойка последние годы в интернате доучивалась. Доучилась, да здесь так и осталась. Правда, живёт в городе. Говорит, комнату снимает. Врёт, наверное. Откуда у неё деньги на комнату?

Младшую сестру Алёна отлично помнила. Темноволосая девчушка, вечно плачущая, вытирающая нос маленьким кулачком. Они все плакали, каждый день, казалось, что без конца. Виталик тоже слёзы лил по каждому поводу, до тех пор, пока ему не исполнилось пять. После этого вдруг перестал, зато драться начал. На любого мог наскочить и приняться молотить кулачками, куда мог достать. По лицу, по плечам, взрослым доставалось по ногам. Мама из-за этого злилась, и мальчишку наказывала. У неё, вообще, был короткий разговор, если дело касалось детских капризов. А капризами в этом доме считалось даже чувство голода.

Алёна заглянула в соседнюю, узкую, как пенал комнату, которая считалась детской. В комнате было темно, пыльные шторы на окне были задернуты, а ещё платяной шкаф был развёрнут как-то странно, не стоял плотно к стене и загораживал половину окна. Из-за этого солнечный свет в комнату почти не попадал. Но Алёна всё равно разглядела двухъярусную кровать у стены, заваленную каким-то барахлом. Раньше кровати не было, они все втроем спали на разложенном диване. Похоже, сейчас он и стоит в большой комнате. Да и запах в квартире стоял тяжёлый, смрадный. Даже распахнутое настежь окно не помогало прогнать вонь.

Алёна вернулась в комнату, снова посмотрела на фотографию бабушки и деда. Она их совсем не помнила, хотя, та же тётя Маша очень давно говорила ей, что бабушку она помнить должна. Та умерла, когда Алёне исполнилось шесть. Говорила, что она была доброй, и о внуках заботилась. А вот дед умер ещё до рождения Алёны.

– Я бы хотела забрать фотографию, – сказала она, обращаясь к тётке. – Можно?

Та плечами пожала.

– Конечно. Не думаю, что в милиции возражать станут.

– С чего им возражать?

– Ну, тут же место преступления, – туманно и многозначительно проговорила тётя Маша. – Улики нельзя забирать.

Ясно, сериалы делают своё дело.

Не успела тётя Маша договорить, как сами правоохранительные органы и пожаловали. Открыли дверь без стука и звонка, и вошли в квартиру. Двое молодых мужчин в штатском и девушка в форме, с папкой в руках. Родственница протиснулась мимо Алёны, поспешила им навстречу, и затараторила:

– Вот, дочка Томкина приехала, старшая. Я ей вчера позвонила, и она приехала.

На Алёну уставились все трое, в некотором сомнении. После чего принялись вопросы задавать, не забыв попросить представиться, а ещё лучше, предъявить удостоверение личности. Алёна без пререканий передала им свой паспорт, наблюдала, как девушка переписывает её личные данные.

– По делу что-нибудь знаете? – поинтересовался представитель закона, с румянцем во все свои пухлые щёки. На вид ему было не больше тридцати, но на окружающих он старался смотреть с превосходством, наверняка, считал себя опытным следователем.

Алёна лишь плечами пожала.

– Откуда?

– Может, мама вам что-то рассказывала? С кем она жила в последнее время? Соседи говорят, был у неё жилец. Или сожитель. Один и тот же ходил туда-сюда, последние месяца два-три.

– Ничего она мне не рассказывала, – отозвалась Алёна. – Я с матерью не виделась и не разговаривала почти двадцать лет. Знать ничего не знаю про её любовников и собутыльников.

– Двадцать лет, говорите, не виделись? Но сразу приехали?

Алёна вздохнула, совершенно не собираясь скрывать, что эти вопросы её тяготят. К тому же, её беспардонно разглядывали и оценивали, наверняка считая, что удачно маскируют свои взгляды профессионализмом.

– Человека похоронить надо, – сказала им Алёна. – Грех этот, мать поверх земли оставлять. Какая бы она мать ни была. А хоронить её больше некому.

Паспорт ей вернули, Алёна убрала его в сумку.

– Когда можно тело забрать?

– В морге узнайте, мы вам номер телефона дадим.

Кажется, интерес к ней потеряли. Представители закона уходить собрались, а тётя Маша неожиданно переполошилась.

– Так что же, убийцу когда найдут? Когда посадят?

Алёна даже усмехнулась подобной наивности родственницы, правда, в сторону. А девушка в форме обернулась, и лишь пообещала:

– Будем искать.

– Вот так вот, – расстроилась тётя Маша, когда за полицейскими закрылась дверь. – Был человека, и нет человека. И всем наплевать.

– А вам её, правда, жаль? – не удержалась от вопроса Алёна.

– Конечно, – удивилась тётя Маша. – Томка, конечно, непутёвая была, так я ж её почти всю жизнь знаю. Мы с ней в одном классе учились. Ты не знала?

– Нет.

– Учились, даже за одной партой сидели. И с Витей их я познакомила, он же старше нас на три года. Такой красавец был, в волейбол играл. Высокий, статный. Ты вот в него пошла, и глаза его, и лоб.

Алёне очень захотелось презрительно фыркнуть, но она удержалась. Знала, что тётя Маша тогда всерьёз расстроится. Она ведь всё от души делает и говорит, совершенно искренне.

– И Виталик на него похож.

Эта информация заинтересовала. Хотя, скорее, несколько удивила.

– Хотите сказать, что у нас с Виталиком один отец?

– Конечно, – уверенно заявила тётя Маша. – Ты и этого не знала?

Маша безразлично пожала плечами. А тётка печально вздохнула.

– Ничего ты про себя не знаешь.

– А мне никто не рассказывал.

Тётя Маша окинула взглядом грязную комнату, и решительно заявила:

– Пойдём отсюда. Закроем всё, и уйдём. У меня пироги, у меня курочка. Я специально пораньше встала, наготовила. Ты же сказала, что приедешь. Я живу через дом, помнишь?

Алёна кивнула. Если честно, отправляться в гости не очень хотелось. По дороге в этот город, успела забронировать номер в маленьком отеле, собиралась остановиться в нём на пару дней, как раз до похорон. И Алёна предпочла бы отправиться сейчас туда, к тому же, успела заселиться, и оставить в номере чемодан. Удобством и комфортом номер, конечно, не порадовал, всё было чисто, но отдавало казёнщиной, но искать что-то другое, более подходящее привычкам и стандартам, не было настроения. А после квартиры, в которой провела первые десять лет своей жизни, что угодно могло показаться дворцом. И хотелось поскорее оказаться в гостиничном номере, принять горячий душ и переодеться, но отказать тёте Маше, с её искренней заботой и участием, даже Алёне показалось верхом неблагодарности. Поэтому она отправилась за тёткой по улице рабочего посёлка, по разбитому асфальту тротуаров, мимо цветов, буйно цветущих в палисадниках, смотрела по сторонам, и удивлялась тому, что всё же успела отвык-

нуть от такой жизни. Странно, ведь просыпаясь каждое утро, думала о том, что она простушка, голодранка, детдомовка, и это как раз её настоящая жизнь. Она этим живёт, а не тем, чего у неё получилось добиться. Получилось как бы случайно, само по себе, не смотря на то, сколько усилий ей пришлось приложить. А вот теперь оказывается, что эти мысли засели исключительно в её голове, и, наверное, со временем превратились в комплексы, потому что всё, что Алёна сейчас видит и как воспринимает, для неё дико. Это другая, чужая, позабытая ею жизнь.

Тётя Маша жила в точно таком же доме, совсем рядом. Они прошли мимо двух палисадов, свернули за угол, и вот уже оказались у подъезда. Очень похожего на тот, из которого недавно вышли. Правда, квартира у родственницы оказалась трёхкомнатной, чистой, ухоженной, без излишеств и изысков, но войти в неё оказалось приятно. Ещё и потому, что вкусно пахло пирогами. А Алёна вдруг осознала, что со вчерашнего обеда ничего не ела, только кофе в поезде пила одну чашку за другой.

Алёне выдали домашние тапочки, не новые, и даже не резервные, в них явно кто-то каждый день ходил, но она возражать не стала, послушно скинула с ног туфли и сунула ноги в тапки.

– Проходи. – Тётя Маша гостеприимно повела рукой. – Будь как дома. Ты ведь и, правда, дома. Здесь когда-то папа твой жил. Нас с ним обоих сюда из роддома принесли.

Уникальная информация.

Алёна из вежливости заглянула в комнаты, тётке улыбнулась. И пошла за ней на кухню.

– Ты с чем пирожки любишь? Я вот с ягодами напекла, с капустой. С мясом есть. Муж у меня с мясом уважает.

Алёна присела за кухонный стол, накрытый цветастой клеёнкой деревенской расцветки. Если честно, с некоторой настороженностью посматривала по сторонам, оглядывала кухню. Уж слишком всё было мило и по-домашнему, она к такому не привыкла. Цветы на полотенцах, цветы на подоконнике, чайник в горох, милые магнитики на холодильнике. Вадим терпеть не мог магниты на холодильнике, называл это мещанством, вывешивать на дверь холодильника магниты и сувениры, как следствие своих поездок по миру. Алёна с ним обычно соглашалась, но сейчас, оказавшись на такой вот домашней кухне, решила, что это довольно мило. Как и фарфоровые слоники на полке. Но, тем не менее, от созерцания всего этого домашнего уюта, на душу опустилась непонятная тяжесть. Алёна не знала, как себя вести.

Вдруг вспомнила, что её спросили про пироги.

– Я со всем люблю, – призналась она. – Правда, любовь эту из себя старательно выдавливаю.

Тётя Маша махнула на неё рукой.

– Глупости. Ты худенькая совсем.

– Да уж...

– Сейчас курочку погрею, и чайник поставлю. И мы с тобой посидим, спокойно поговорим, пока нет никого.

– А вы с кем живёте? С мужем?

– С мужем, – кивнула тётя Маша, суетясь у плиты. – А ещё дочка старшая с семьёй с нами живёт. У меня внучке уж восемь лет. Так все вместе и живём. Они вроде квартиру в городе присмотрели, а потом так и остались. Привыкли, говорят. А чего им тут с нами, стариками, привыкать? Но пока живут.

– Это здорово.

– А ты как? Замуж не вышла? Я уж по телефону тебе лишних вопросов не задаю, а ты про себя не рассказываешь особо. Всё хорошо да хорошо. Я, конечно, рада, если хорошо, всё-таки не чужие люди, но ведь всё хорошо не бывает.

– Не бывает, – согласилась Алёна. Но затем заставила себя бодро улыбнуться. – Но сейчас всё хорошо. Я не замужем, но... Возможно, в следующем году. Вадим занятой человек, смешно, но даже на свадьбу нужно выделить время.

– Вы вместе живёте?

– Вместе. Уже полтора года.

– Так это считай муж. – Тётя Маша подошла и приобняла Алёну за плечи. – Я очень за тебя рада. Лишь бы был хороший и тебя любил.

– Он любит, – сказала я.

На стол поставили тарелку с румяными пирожками.

– Что ж такую красавицу и умницу не любить, – подивилась тётя Маша. И подбодрила: – Ешь пироги, не стесняйся.

Пироги оказались вкусные. Алёна ела пирог с ягодами, пила ароматный чай, и в какой-то момент подумала, что этот день не такой уж и ужасный. Несмотря на все эти разговоры о прошлом.

– Ты папу своего совсем не помнишь? – спросила тётя Маша, присаживаясь за стол напротив неё с чашкой чая.

– Смутно, – призналась Алёна. – Помню, как он меня на руках держал. Но я совсем маленькая была. Скорее всего, я себе это воспоминание придумала.

Тётя Маша печально покивала. Потом сказала:

– Виталик, кстати, очень на него похож. Звонит иногда, так у меня даже от голоса его мурашки.

Алёна невольно хмыкнула, довольно презрительно.

– Странно, как это она несколько лет с одним мужиком прожила.

Получилось довольно озлобленно, сама поняла, стало неловко, особенно под проницательным взглядом тёти Маши. Та даже головой качнула. Не осуждающе, но как-то расстроено.

– Так и зовёшь маму «она»?

– Ей от меня слово «мама» не нужно было. Зачем настаивать?

– Но всё-таки мать. Она же не всегда такой была.

– Серьёзно?

Тётя Маша неожиданно задумалась.

– Не знаю. Может, ты, конечно, и права. Просто мы молодые были, всё по-другому воспринималось. Мы ведь с Томой дружили, всерьёз дружили со школьных времён. Я её с Витей, считай, и познакомила, а как раз перед тем, как он в армию собрался уходить, всё у них и началось. Любовь была, – тётя Маша вздохнула. – Тома его ждала, письма писала. Я, признаться, так рада была. Подружка и старший брат, так хотела, чтобы они поженились. А после того, как он на побывку приехал, Томка и забеременела. Его из армии отпустили, свадьбу сыграли, всё честь по чести. Кто ж знал, что так всё получится? Ты не помнишь, конечно, ты маленькая совсем была. Но первые годы они хорошо жили, не лучше, но и не хуже других. Потом Виталик родился, а времена были тяжёлые, девяностые, вот Витя и решил в Москву ехать, подработать, то есть. Ну и...

– Что? – заинтересовалась Алёна. Всё же это была история её семьи, самых близких людей. А никто никогда с ней об этом не говорил, не считал необходимым обсуждать, и в какой-то момент пришла вера в то, что ей это и не нужно. Слишком много было собственных проблем, которые приходилось решать, чтобы банальным образом выжить, не до чужого прошлого и ошибок было. А вот сейчас, сидя на чистенькой кухне, попивая чаёк, вдруг стало жизненно интересно и любопытно.

Тётя Маша после её вопроса недовольно поморщилась на свои воспоминания.

– Встретил он там кого-то, женщину, и даже не особо скрывал. Деньги вроде и присылал, а сам всё реже показывался. Томка плакала, скандалить пыталась, а какой толк сканда-

лить, если он раз в неделю звонит? Тогда она и начала пить. Сначала понемногу, но как-то быстро увлеклась. Мужики вокруг неё вились, она ведь в молодости красивая была, только дурная. Я её предупреждала, но кто меня слушал? Я ведь враг номер один стала, сестра мужа-предателя. Я Вите звонила, говорила, что ж вы оба делаете? Дети-то при чём? Дети-то без пригляда. Но у него тоже судьба плохая. Вроде и устроился в Москве своей, женщину нашёл, не по совести, конечно, поступил, рукой на вас с Виталиком махнул, взял и забыл. Но сам-то... и не пожил совсем своей хорошей жизнью, года через два разбились они на машине. Насмерть. – Тётя Маша неожиданно смахнула слезу. – Вот так всё и вышло. А Томка ещё, помню, матери нашей кулаком грозила. Явилась пьяная под окна на третий день после похорон, и давай грозить да кричать, что поделом Витьке, что он во всём виноват, туда ему и дорога. Может, и виноват, да кто ж его судить может? Сама со своей жизнью что наделала? Что теперь нам делать?

– Хоронить, – буркнула чуть слышно Алёна. А тётке сказала: – Никто ни в чём не виноват, каждый сам свою судьбу делает, своими руками. Я в это свято верю. Она со своей жизнью поступила так, как считала нужным.

– Тебе её совсем не жалко?

Алёна чашку от себя отодвинула.

– Мне себя было жалко, а не её. Брата и сестру было жалко. А ей до нас дела не было. Я была не такой уж маленькой, когда меня забрали, мне было десять. Я всё отлично помню. И помню больше плохого. Кто в этом виноват?

– Я же приезжала к тебе в детдом, ты помнишь?

– Помню, – отозвалась Алёна, заставила себя сделать вдох, чтобы успокоить подскочившее в волнении сердце. – Спасибо вам, я, правда, помню. Матери подобное в голову не пришло. Тётя Маша комкала угол кухонного полотенца.

– Я ведь забрать тебя хотела, а Гоша, муж мой, как раз свалился с той чёртовой крыши, инвалидность получил, до сих пор хромот. Вот нам и отказали.

Алёна смотрела на неё во все глаза.

– Этого я не знала, вы не говорили.

– А что тебя расстраивать было? Я уж и просила, и ругалась, жалобы писала. Потом думаю, хорошо тебе не пообещала, ты бы ждала. А у них видишь: всё бумажки да законы. Разве о людях они заботятся?

Алёна сделала большой глоток остывшего чая. Вдруг накрыло мыслью о том, как бы сложилась её жизнь, окажись она в этой семье, проведя своё детство и юность на этой кухне. Наверное, всё было бы по-другому. И она бы выросла другим человеком, по крайней мере, без страхов, приступов паники, узнала бы, что это такое, когда тебя любят. В её семье, а уж тем более в детдоме, таких знаний не давали.

– Она ведь обо мне даже не вспоминала, я права? – спросила она тётю Машу. Этот вопрос сорвался с губ сам собой, она не хотела его задавать, потому что не хотела знать ответ. Много лет твердила себе, что не хочет.

Тётя Маша протянула руку через стол и участливо погладила Машу по запястью.

– Ты не расстраивайся. Что уж теперь? И ты не ошибаешься на её счёт, такой она и была. Не знаю, почему это с Томкой случилось, может, в юности всё это сидело внутри, а потом вылезло наружу, но чем больше времени проходило, тем яснее я понимала, что ни о ком она, кроме себя, не думает. Детей рожала одного за другим, сколько раз я ей говорила!.. Некоторым женщинам Бог ребёночка не даёт, сколько страданий они принимают, а тут... Словно не себе, словно кому-то рожала. Её ведь даже судить хотели, за эту, как её, халатность, вот! Оля в младенчестве чуть не умерла. Томка коляску взяла и в магазин отправилась. А где магазин, там и водка. И забыла ребёнка на морозе. Следовательно потом говорил, что Гале повезло, она ведь её прямо дома забыла. В одеяло закутала, а в коляску не положила. – Тётя Маша ладонью по кле-

ёнке водила. – Зойка, мне кажется, даже рада была, когда её в интернат определили. Там хоть оденут, обуют, накормят. А дома что? Дети орут, мать пьяная, мужики какие-то таскаются. И вот к чему всё это привело. Нет больше Тома. Непутёвая у неё жизнь вышла, непутёвая. Даже помянуть хорошим словом не получается.

Алёна молчала. На душе было тягостно и тоскливо, словно дождь шёл, мелкий, противный и сумрачный. И разговор этот расстраивал и печалил обеих. И, в конце концов, Алёна поняла, что пришло время прощаться. Тётя Маша вдруг разохалась, словно они насовсем расставались. Пригласила остаться, пожить несколько дней у них, а когда Алёна сообщила, что сняла номер в гостинице, и, вообще, ей нужно побыть одной, мысли в порядок привести, принялась Алёне пирогов с собой собирать. Отказываться ещё и от пирогов, показалось неловким, и Алёна приняла кулёк, поблагодарила, и снова позволила себя обнять и расцеловать. Пообещала позвонить завтра, чтобы начать заниматься похоронами. Хотя, не совсем понимала, что значит – начать заниматься. Она собиралась в нужном месте заплатить энную сумму денег, а потом посидеть и подумать, собирается ли она появиться на кладбище в назначенное время. А тётя Маша собиралась заниматься похоронами!.. Что сулило некоторые проблемы.

До гостиницы добралась быстро. В этом городе, вообще, всё было быстро, много времени на дорогу не уходило. Это не Нижний Новгород и тем более не Москва. И поэтому спустя полчаса, Алёна уже открыла дверь номера выданным на стойке администрации ключом, скинула у двери туфли, и прошла босиком по потёртому ковровину в комнату. Кулёк с пирогами положила на журнальный столик. Отдёрнула шторы и распахнула настежь дверь на маленький балкон. С него открывался вид на пустырь, но весьма живописный. А вдалеке на пригорке какая-то деревушка и церковь с блестящим куполом. Что ж, довольно мило, если учесть, что раньше это был брошенный промышленный район. А теперь она отсюда любит природу.

Хотелось в душ и спать. Но вместо этого Алёна присела на колченогий стул на балконе, облокотилась на кованые перила и несколько минут сидела, раздумывая, что бы она чувствовала в данный момент, проигнорируй она вчерашний звонок тёти Маши. Смогла бы притвориться, что всё в порядке, заниматься своими делами и не думать о том, что матери больше нет в живых? Признаться, за двадцать лет их разлуки, Алёна не часто о ней думала. Не страдала, не скучала, просто знала, что всё это бессмысленно. Ещё живя дома, поняла, что матери всё равно, рядом она или нет. И поэтому никаких надежд не питала. Но стоило случиться непорядочному, как она всё бросила, и приехала.

В комнате зазвонил телефон. Алёна весьма неохотно поднялась и отправилась за ним. Правда, увидев на дисплее фото Вадима, заулыбалась ещё до того, как успела нажать кнопку и принять вызов. И постаралась убрать из голоса все задумчивые и расстроенные нотки.

– Привет, дорогой. Я как раз о тебе думала.

– Мне нравится, когда ты это говоришь, – произнёс красивый баритон, и Алёна перед своим мысленным взором увидела, как он неспешно передвигается по своему кабинету, поправляет узел галстука или подносит к губам чашку с кофе. Крошечную, с напёрсток. Вадим говорил, что настоящий кофе пьют только из таких маленьких чашек. Всё остальное – мещанство. Он частенько повторял это слово. – Особенно, когда ты думаешь обо мне, а должна бы работать.

– Я работаю, – соврала она. – Что мне совсем не мешает по тебе скучать.

– Ты так неожиданно сорвалась из дома. Я даже проснуться не успел, а тебя уже нет. Как Москва?

Алёна посмотрела за окно, на милый, но бесперспективный пейзаж.

– Стоит, что ей сделается?

– Надолго планируешь задержаться?

– Ещё два-три дня. Точнее пока сказать не могу. – Она добавила в голос мёда: – А ты скучаешь?

– Конечно. Сегодня утром пришлось самому варить кофе.
– Позвони Варваре Павловне, пусть приходит пораньше и готовит тебе завтрак, пока меня нет.

Вадим что-то буркнул себе под нос, после чего попросил:

– Позвони сама. Ты же знаешь, я всё равно забуду.

Алёна улыбнулась.

– Хорошо, я позвоню сама. Только не ходи голодный, пожалуйста.

– Не буду. Ужинать буду у мамы. Я уже сообщил ей, что ты меня бросила.

Алёна выдала смешок.

– Как тебе не стыдно? Но маме передавай привет. Я обязательно приглашу её на обед, как только вернусь.

– Она будет рада. А ты, пожалуйста, не флиртуй с клиентами, а то я каждый раз боюсь, что ты из Москвы не вернёшься. – Вадим смеялся. – Окрутишь какого-нибудь олигарха на покупку дома, и он тебе вместе с договором о купле-продаже руку и сердце подарит.

– Я у тебя красавица, да?

– Нереальная, – закончил он, и они вместе рассмеялись.

В дверь номера постучали, и Алёна обернулась. Настороженно глянула на дверь, не понимая, кто к ней мог пожаловать в гости. Да ещё в коридоре кто-то заголосил, да так громко, что Вадим на другом конце провода услышал и поинтересовался:

– Что это?

– Не знаю. Какой-то скандал в коридоре, – пришлось признаться Алёне, а он взял и переспросил:

– А в каком отеле ты остановилась?

Стук в дверь повторился, Алёна беззвучно ругнулась, направилась к двери, а Вадиму сказала:

– Солнышко, давай я тебе перезвоню? Это, наверное, горничная.

– Хорошо. Только перезвони обязательно. У меня, кстати, несколько вопросов по договору аренды на Комсомольской.

– Обязательно перезвоню, – проговорила Алёна, – совсем скоро.

Она повернула ручку, открыла дверь, а в ухо в этот момент понеслись лихорадочные гудки. Алёна руку с телефоном опустила, а сама разглядывала молодую девушку, что стояла перед ней. Довольно высокая, худая, светлые, крашенные волосы закручены в крутые кудри, а ярко-подведённые глаза странно сияли, будто девушка несказанно радовалась тому, что её видит. Правда, на горничную гостя была не похожа, никакой тебе униформы, на вкус Алёны одета она была дешёво и несколько вызывающе. В короткую джинсовую юбку и открытый розовый топ на тонких бретельках. Эти бретельки с явным натягом удерживали полную грудь.

– Что вы хотели? – спросила её Алёна.

А девушка подозрительно знакомо улыбнулась.

– Ты Алёна? А я Зоя. Твоя сестра.

2 ГЛАВА

Улыбка Зои была очень похожа на её собственную, вот в чём дело. Алёна далеко не сразу это поняла. Она, вообще, довольно долго приглядывалась к девушке, даже мысленно не находя в себе ни сил, ни желания назвать её сестрой. Признать её своей сестрой, той самой малышкой, которую когда-то держала на руках, кормила, укладывала спать, мыла и даже играть с ней пыталась. Просто потому, что больше этим заниматься было некому. Их матери всегда было не до них. Опомнившись после очередных родов, она вся сосредотачивалась на обустройстве своей личной жизни, могла уйти из дома на весь день, а вернуться под вечер пьяной, а то ещё и не одна.

Все эти воспоминания всегда забирали у Алёны половину жизненной энергии. Она их не любила, и уже давным-давно пришла к выводу, что ей не стоит жить прошлым. Она старалась не вспоминать, чтобы не переживать всё это из раза в раз. И никакой ностальгии не испытывала, ни по кому не скучала, даже по дому, из которого её забрали, она не скучала. Не у неё одной в детдоме была такая история, через одного дети рассказывали нечто похожее, и большинство из них скучали, плакали, хотели вернуться и жить с мамой. Они любили своих матерей, не смотря ни на что, а Алёна никогда подобных чувств не испытывала. Даже в самые первые дни, когда было особенно страшно. Осознание того, что её равнодушие по отношению к родительнице, наверное, несколько неправильно, и отдаёт психологическими проблемами, определённо нажитыми в связи с жизненными трудностями, пришло гораздо позже. Она повзрослела, юношеский гонор сошёл на нет, она перестала злиться на всю свою жизнь в целом, и вот тогда осознала. Точнее, приняла тот факт, что у неё проблемы. Но решать их – потребности не видела. Она не собиралась возвращаться, общаться с матерью, с братом и сестрой, а на её нынешней жизни, как она считала, это никак не отражалось.

До нынешнего момента.

Точнее, этот момент наступил позавчера. Когда она увидела младшую сестру на пороге своего гостиничного номера. Честно, всерьёз растерялась. Конечно, позволила ей войти, но первые минуты лишь настороженно наблюдала за девушкой, не зная, что чувствует. С одной стороны, было очень странно осознавать, что это родной для неё человек. Видеть их схожесть, особенно, смущала улыбка. Зоя, на самом деле, улыбалась очень похоже, и от этого Алёне становилось не по себе. Она присматривалась к госте, невольно припоминая двухлетнюю девчушку, что держала на руках. Спутанные тёмные волосы, заплаканные глаза и грязные, в разводах щёки. Помнила, как трясла её на руках, в надежде успокоить, что-то говорила, обещала конфеты, как вечерами укладывала спать на старый диван, к стенке, и укрывала одеялом. А по утрам будила, и кормила... чем-то. Кстати, чем она кормила брата и сестру? Неужели сама варила кашу? Может, из-за этого её до сих пор передёргивает от одного вида любой каши? Она даже мюсли ненавидит, потому что в них овсянка.

Но всё это было очень давно, а теперь перед ней стояла взрослая девушка, Зое уже исполнилось двадцать два года. Или ещё не исполнилось? Господи, она даже не помнит, в какой день у неё день рождения. Что она за человек такой? Абсолютно чёрствый, только притворяется добродушной и улыбчивой. Даже с Вадимом порой притворяется.

Зоя выглядела совершенной провинциалкой. Наверняка, этого не осознавала, было заметно, что следит за собой, Алёна бы сказала, что чересчур старается, и, явно, ориентируется не на того, на кого нужно. Вытравленные пергидролью волосы хоть завиты и уложены, но причёска совершенно девушке не подходит. Макияж слишком яркий, слишком тщательный, словно маска. Юбка чересчур короткая, а каблуки высокие. На розовый топ, довольно открытый, не дающий возможности окружающим пофантазировать, даже Алёне было неловко смотреть. Девушку хотелось срочно завернуть в махровый халат, что она обнаружила в ванной

на вешалке, когда заселялась в номер. Но Зоя, судя по её поведению и манере держаться, чувствовала себя вполне комфортно в этом образе. И даже улыбаться умудрялась скромно и смущённо. А Алёна вдруг поняла, от чего она так насторожилась, увидев её. Настолько, что даже слова приветствия ей произнести оказалось достаточно трудно, она себя, буквально, заставила.

Зоя была очень похожа на мать.

Алёна тоже была похожа. Глазами, той самой улыбкой. Хорошей фигурой. Недаром тётя Маша не единожды упомянула, что мама их в молодости была очень красива, и отбоя от мужчин у неё не было. Дочерям, по крайней мере, двоим, она свою красоту передала. Но Алёна старательно в себе изживала все внешние напоминания о матери. Она никогда не красила волосы в белый цвет, не одевалась вызывающе, избегала яркого макияжа. Долгие годы создавала свой собственный образ, стиль, чтобы спокойно смотреть на своё отражение в зеркале, и не думать о том, что мужчины на неё реагируют так же, как на её мать. Как на сучку с течкой. А вот Зоя оказалась копией матери. Возможно, поступала так с собой неосознанно, ведь она до подросткового возраста прожила с ней под одной крышей, и наблюдала всю модель поведения. Невольно впитала в себя всё, что видела и воспринимала. И этим сейчас Алёну сильно смущала. Но, в то же время, она не могла отвести от неё глаз. Прошное вернулось окончательно с образом Зои. И, наблюдая за сестрой, Алёна, как никогда за все прошедшие годы, чётко припоминала мать. Вспомнилось, как та разговаривала, улыбалась, её голос, и тот особый жест, которым она откидывала за спину светлые, крашенные волосы. И точно также завивала их в крутые кудри, а потом собирала на затылке, в виде короны. Ей нравилось ощущать себя королевой и несравненной красавицей. Наверное, когда-то так и было, по крайней мере, на территории их рабочего посёлка. Тогда Тамара была самой красивой и самой желанной женщиной для большинства мужчин на их улице. Вот только куда всё это делось? Куда пропало?

В какой-то момент Зоя остановилась перед большим зеркалом на стене, посмотрела на своё отражение, и чуть наклонилась вперёд. Облизала губы, накрашенные алой помадой, и заправила волнистый локон за ухо. А Алёна едва не задохнулась от волнения, увидев всё это. И разволновалась настолько, что даже зажмурилась. Пусть на одну секунду, но смотреть на всё это, она больше не могла. И ладони снова стали влажными, отчего она почувствовала себя слабой и напуганной.

А вот Зоя казалась довольной. Наверное, радовалась их встрече, знакомству. Ведь она может этому радоваться? С любопытством оглядывала гостиничный номер, в котором не было ничего примечательного, по мнению Алёны, он был ниже среднего уровня, но в этом маленьком городе другого попросту не было. А Зоя проявляла любопытство, и ей, похоже, всё нравилось.

– Ты присядь, – предложила ей, наконец, Алёна. Приказала себе быть сильной и перестать трястись. Девочка намного младше неё, и смелой должна быть она, как старшая сестра. – Как ты узнала, что я здесь?

– Тётя Маша сказала. – Зоя к ней повернулась, и вместо того, чтобы сесть на кресло, как Алёна предложила, замерла посреди комнаты, руки на груди сложила. – Я позвонила узнать, как дела, а она про мать рассказала. И про тебя заодно. Сказала, что ты только от неё ушла.

Никакой горечи или жалости по поводу того, что произошло с матерью, Алёна в её голосе не расслышала. Что было весьма знакомо.

Она сама присела на маленький диванчик у стены, на сестру поглядывала.

– Ты дома была?

Зоя качнула головой. Кудряшки на её голове упруго подпрыгнули.

– Нет, зачем? Что я там не видела? К тому же, мать уже увезли, как тётя Маша сказала. Когда похороны?

Алёна аккуратно пожала плечами.

– Пока неизвестно. Завтра утром меня ждёт следователь, наверное, должен дать разрешение на захоронение.

Зоя откровенно поморщилась.

– От неё одни проблемы. Даже помереть по-человечески не могла.

– Сказали, что её убили, – осторожно заметила Алёна.

Зоя в ответ на это лишь пренебрежительно фыркнула.

– А нечего было таскать в квартиру всю шваль подряд! Её все предупреждали. Я когда в последний раз приезжала, двух бомжей оттуда пинками выкинула. Так она на меня ещё драться полезла! Наверняка один из них и дал ей по башке!

Алёна всё это выслушала, и рискнула предложить:

– Может, тебе рассказать всё это в полиции?

Зоя замерла перед ней, посмотрела, как на сумасшедшую.

– Вот ещё, с ментами связываться. Им только повод дай, они затаскают до смерти. Нет уж!

– Зоя, всё-таки она не чужой человек. – Сказала это, подумала и добавила: – Нам.

– А какой в этом толк? Думаешь, они этого бомжа искать станут? Не станут, поймают любого, и его посадят. Кто этих бомжей разберёт, как они выглядят и где пьют? – Зоя равнодушно махнула рукой. – Справятся без нас. Уж без меня точно.

Алёна поняла, что спорить бесполезно. И всё смотрела и смотрела на сестру. Это было невероятно, но она будто мать видела, двадцать – двадцать пять лет назад. Наваждение какое-то. Алёна сжала руку в кулак, ногти впились в кожу, и от лёгкой боли стало немного легче. Она снова предложила:

– Ты садись. Давай поговорим. Мы столько лет не виделись. Ты, наверное, меня не помнишь, – предположила она.

Зоя всё же присела. На сестру посмотрела, и вдруг улыбнулась, вполне искренне. И призналась:

– Не помню. То есть, я о тебе знала, мне тётя Маша рассказывала, и Виталик иногда вспоминал. А я не помню.

– Ты была совсем маленькой.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать девять.

– А мне почти двадцать два. У меня день рождения в сентябре.

Конечно же, в сентябре. Алёна должна была пойти в первый класс, но не пошла, потому что маму увезли в роддом. И поэтому в школу она пошла лишь через месяц, потому что маме было не до неё, у неё появился новый ребёнок. А очередной папаша уже успел исчезнуть из её жизни.

Память к Алёне возвращалась, но это совсем не радовало.

– Ты с Виталиком общаешься? – спросила Алёна, чтобы ещё хоть что-то спросить. Сознание было пустым и каким-то склизким. Ни одного достойного вопроса и желания что-то узнать, в нём никак не рождалось. И за это всё же становилось стыдно.

– Да, он мне звонит. Он решил остаться в Воркуте. Дурак, правда? Хотя, у него тесть полковник, частью, что ли, командует. Я в этом ничего не смыслю.

– Если у него там всё хорошо, то почему нет?

– Он уже отпрыска себе завёл, – насмешливо фыркнула Зоя. Развалилась в неудобном кресле. Кинула на Алёну изучающий взгляд исподлобья. – А ты где живёшь?

– На данный момент, в Нижнем Новгороде.

– Круто.

– Наверное, – неопределённо проговорила Алёна.

– Конечно, круто. Не то, что в нашем Задрипинске.

– Я сама отсюда уехала, – сказала ей Алёна, слышав завистливые нотки в голосе младшей сестры. – После детдома. Накопила денег, купила билет на поезд и уехала. И живу там, где хочу.

– Вижу, что живёшь хорошо.

Разговор Алёне не слишком нравился. Она даже вздохнула, с дивана поднялась и прошла к окну. А сестре сказала:

– Было непросто. Главное, надо понимать, чего ты хочешь.

– У тебя богатый муж?

Алёна обернулась, взглянула на неё с удивлением и в то же время со снисходительностью.

– У меня хорошая работа.

– А-а. – Зоя села ровно, закинула ногу на ногу и задумалась. – Здорово. Я бы тоже хотела хорошую работу. А лучше мужа. Хорошего и богатого.

– Я же говорю, нужно понимать, чего ты хочешь, – повторила Алёна.

Это разговор состоялся позавчера. Вышел каким-то скомканным, неловким, и совсем недолгим. Сёстры присматривались друг к другу, и говорили то, что не находило понимания в другой. Алёне было трудно общаться, а, может быть, банально не хватило желания хотя бы попытаться найти общий язык с младшей сестрой. Она её пугала, заставляла вспоминать и от этого в голове билась испуганная мысль, что она зря приехала, что зря решила воскресить прошлое, даже если из благих побуждений. И хотелось убежать.

Но, наверное, если бы поддалась тому самому детскому страху, и убежала ночью, не дождавшись похорон, всю оставшуюся жизнь корила бы себя и считала трусихой. А ей необходимо верить в то, что она смелая и уверенная в себе, чтобы жить, как прежде. Чтобы вернуться к работе, к Вадиму, и с лёгкостью разрешать проблемы, свои и чужие. Нельзя терять веру в себя, в свои силы, никак нельзя.

За разрешением на захоронение, всё же пришлось отправляться к следователю. Алёна потеряла несколько часов в здании Следственного комитета, успела насидеться в коридоре, насмотреться на мужчин в форме, они проходили мимо неё, деловые, с кожаными папками под мышками, посматривали с любопытством, Алёна даже переживать начала, может, она как-то не так выглядит, раз её с таким интересом рассматривают. Но она выбрала самое скромное и самое тёмное платье, что привезла с собой. Но, видимо, всё равно привлекала внимание.

Следователь, наконец, появившийся в своём кабинете, даже не извинился за то, что заставил ждать почти два часа. Зато принялся снова задавать вопросы, вроде и, не обращая внимания на то, что Алёна почти на каждый отвечает: «Не знаю».

– Я просто хочу похоронить мать и уехать, – сказала она, в конце концов. – У меня работа в Нижнем, семья.

– Понятно, – равнодушно кивнул усатый мужчина лет пятидесяти, не поднимая глаз от своих записей.

– Моя младшая сестра живёт здесь, время от времени она появлялась у матери дома. А я не встречалась с ней двадцать лет.

– Сестра вам что-нибудь рассказывала?

Подставлять Зою не хотелось, но и отнекиваться вряд ли бы получилось. Поэтому Алёна уклончиво проговорила:

– Рассказывала, что в квартире творился бардак. Мать пила, последние годы практически беспребудно. И меня эта информация совсем не удивила, если честно.

Следователь на неё посмотрел.

– И вы ни разу не приезжали в город за все двадцать лет?

Алёна всё-таки вздохнула, вздох вырвался сам собой.

– Меня не было в городе четырнадцать лет. Я уехала, когда мне исполнилось семнадцать. Окончила школу и уехала.

– Какую школу оканчивали?

Это очень напоминало допрос, и заставляло насторожиться.

– А в чём дело?

– Ни в чём, – спокойно отказался он. – Для протокола.

– Интересно, зачем вам для протокола моя биография?

– Алёна Викторовна, вы успокойтесь. Это стандартные вопросы. Школу там же оканчивали, в посёлке?

Алёна сверлила взглядом его равнодушное лицо, после чего нехотя ответила:

– Нет. С десяти лет я находилась на воспитании в местном детском доме. Мать лишили родительских прав в отношении меня. Тогда детей у неё было трое, я самая старшая, она не справлялась, и меня забрали. А двоих младших оставили с ней.

– Ясно.

– Что вам ясно? – разозлилась Алёна.

– Что ничего хорошего в вашем детстве не было.

Алёна невольно поморщилась. Негромко проговорила:

– Ценный вывод.

Мужчина, наконец, оторвался от своих записей, поднял голову и на Алёну посмотрел. Очень внимательно.

– Лицо мне ваше знакомым показалось, вот и заинтересовался.

Алёна примолкла, нахмурилась. Глаза в сторону отвела, хотя, делать этого не стоило, знала, что не стоило. А мужчина закрыл папку с делом, прихлопнул её ладонью. А Алёне сказал:

– Не надо нервничать, Алёна Викторовна. Я много кого встречал, много чего помню, профессия у меня такая. А тут всё совпало. Лицо ваше мне знакомым показалось, фамилия вашей матери... У вас ведь теперь другая фамилия?

Алёна смотрела на него, понимала, что её взгляд может казаться обречённым. Повторила:

– Я просто хочу похоронить мать и уехать. И больше никому ничего не напоминать. Себе в первую очередь.

– Город маленький, сами понимаете, – проговорил следователь. Алёне начало казаться, что он не просто интересуется, а проявляет чрезмерное любопытство. – Это вы сменили обстановку, изменили жизнь, повзрослели. Вам ни к чему помнить прошлое. И это правильно. А уж за то, что узнал, простите меня. Наверное, не стоило вам этого говорить.

– Наверное, не стоило, – согласилась она, сверля взглядом усатое лицо. А потом ровным голосом сообщила: – Я вас помню. Я не забываю людей. Вы работали с подростками.

Мужчина неожиданно улыбнулся. Кивнул.

– Долго работал. И хочу вам сказать, что у меня тоже хорошая память на людей, на лица. Это, простите, профессиональное. К тому же, большинство моих подопечных так и живёт в этом городе. С некоторыми даже пришлось разговаривать в этом кабинете. Но не так, как с вами, к сожалению.

– Вы считаете, что я тоже ваша подопечная? Насколько помню, наше знакомство ограничилось парой профилактических бесед.

– И, слава Богу, я вам скажу, Алёна Викторовна, слава Богу. Поэтому мне настолько приятно общаться с вами сейчас. Так что, уж простите стариковское любопытство. Больше не стану вас смущать.

Алёна глаза отвела, чувствовала тяжесть на душе. Негромко проговорила:

– Я не умею смущаться. Жизнь не научила.

Хотелось уехать. Господи, как же ей хотелось уехать из этого города. Алёна вышла из прокуратуры, остановилась на крыльце и сделала глубокий вдох. Это нисколько не помогло, было ощущение, что даже воздух в этом городе пропитан её бесконечным унижением и запахами

её неудавшегося детства. Не сказать, что после стало проще жить, что билет на поезд что-либо изменил, в один момент сделал её удачливее и счастливее, но, по крайней мере, на ней не стало клейма детдомовки и дочери алкоголички. Алёна просто больше никогда об этом никому не говорила.

На следующий день состоялись похороны. Их даже скромными нельзя было назвать. У могилы стояли три человека, Алёна с Зоей, и тётя Маша, единственная, кто подумал купить цветы. Вся церемония заняла от силы двадцать минут. Крепкие мужички опустили гроб в выкопанную могилу, и принялись споро её закапывать, совершенно не удивляясь тому, что никто из присутствующих родственников не захотел проститься с умершей. Наверное, им было попросту некогда. Тётя Маша всё же промокнула платком глаза, для порядка пробормотала что-то жалостливое, соответствующее моменту, а после положила на образовавшийся холмик скромный букет. Алёна же все эти двадцать минут смотрела, в основном, себе под ноги и раздумывала о том, что не следовало надевать замшевые туфли на кладбище. Теперь они все в песке, а это на них скажется весьма пагубно. Рядом с ней стояла Зоя, молчала и жевала жвачку. На носу тёмные очки, руки сложены на груди, и расстроенной она тоже не выглядит.

– Ну, вот и всё, – вздыхала тётя Маша, когда они отправились назад, к ожидающему их такси. – Схоронили Тому. Алёна, ты же была у следователя, что он сказал? Найдут убийцу-то?

Алёна лишь пожала плечами, сказать ей на этот счёт было нечего, а вот Зоя зло усмехнулась.

– Они и искать не станут. Будто у них делов мало, алкашей да бомжей разыскивать!

Тётя Маша головой качнула.

– Нехорошо это, нехорошо. Надо бы найти.

Младшая сестра кинула на тётку выразительный взгляд.

– Тёть Маш, вы так говорите, будто мы чемодан потеряли. Вот чемодан может и нашли бы, и то... сомнительно. А тут иголку в стогу сена ищи. Алкашей этих – полгорода.

Алёна вышла на асфальт и потопала ногами, в надежде, что песок с туфель облетит. А тётке сказала:

– Вы установкой памятника сможете заняться? – И добавила: – Денег я пришлю.

– Конечно, Алёна, конечно. – Тётя Маша взяла её под руку, даже по плечу погладила. – Ты даже не переживай. Я всё сделаю.

– Спасибо.

– Девочки, а поедem ко мне? Посидим с вами, поговорим. Всё-таки надо по-человечески, поминки, хоть скромные. Посидеть.

О чём вспоминать, Алёна не совсем понимала. Но тётя Маша приглашала, Зоя, без всяких сомнений с её стороны, кивнула, соглашаясь, и Алёне ничего не оставалось, как тоже согласиться. Отказаться, накануне отъезда, зная, что, возможно, больше в этот город она никогда не вернётся, показалось крайне невежливым. Но тут есть над чем подумать. Было время, когда Алёна, в принципе, не задумывалась о вежливости, о воспитании, даже о порядочности думать было некогда, а последние годы её изменили. Жизнь с Вадимом её изменила. Вот он, надо сказать, что вместе с мамой, был поборником морали и благопристойности. Поневоле приходилось соответствовать и стараться быть лучше. В его глазах, в глазах окружающих. Иногда казалось, что и перед самой собой удаётся притворяться. Что ей не всё равно, кто и что думает.

По дороге в рабочий посёлок, Зоя с родственницей разговаривали о чём-то Алёне неведомом, об общих знакомых, она даже не вслушивалась особо, даже когда тётя Маша ахала и причитала. Внутри поселилась пустота, дело, из-за которого она приехала, казалось завершённым, и больше ничего не держало. Хотелось вырваться, будто из клетки. Вернуться домой, налить себе ванну с ароматическими солями и маслами, что привезла со спа-курорта, налить бокал вина, и пролежать в ванне, в тишине и одиночестве пару часов, не меньше. Чтобы выбросить всё из головы, перенастроить сознание, и забыть даже запахи своего прошлого, что преследуют

её повсюду последние три дня. Успокаивало только то, что уже через сутки всё это свершится, что через двадцать четыре часа она будет дома. И заживёт своей уже привычной, тщательно выстроенной, благополучной жизнью.

Слава Богу, импровизированные поминки надолго не затянулись. Они посидели втроём на маленькой кухне, тётя Маша кормила их блинами и гречневой кашей, поила чаем с конфетами, и это, если честно, подкупало. Поэтому Алёна слушала тётку, порой даже с интересом, когда та принималась вспоминать её родителей молодыми и счастливыми. Вот только воспринимала Алёна эти рассказы, словно про чужих людей, потому что невозможно было поверить, вспоминая свою собственную жизнь, что её родители могли быть влюблёнными, счастливыми, желающими построить крепкую семью. Потому что у них получилось с точностью до наоборот. И, сравнивая их с собой, Алёна приходила к выводу, что, наверное, они плохо хотели.

– Они были совсем молодые, – говорила тётя Маша, вздыхая. – Вот как Зоя. Ты старше, – сказала она Алёне, – ты уже мудрее, ты воспринимаешь всё по-другому. Вспомни себя в этом возрасте.

– И вы себя вспомните, – не утерпела Алёна. – Почему-то вы таких ошибок не натворили. Родственница развела руками.

– Что ж, каждому своё.

Зоя в их разговоре практически не участвовала, сидела в углу, у окна, и с аппетитом ела. Алёна время от времени останавливала на сестре свой взгляд, удивляясь её аппетиту, и всё же почувствовала нечто сродни жалости. От хорошей жизни жадность к еде не проявляется. И, наверное, потому, что пожалела, и потому что это младшая сестра, которую она, можно сказать, вынянчила с пелёнок, хотя и не любит об этом вспоминать, так просто расстаться с ней не смогла. Хотя, именно так и планировала поступить, распрощаться после похорон, пожелать удачи, понадеяться, что Зоя по жизни не пропадёт, и уехать. Сначала в гостиницу, а потом из города. И была уверена, в душе у неё ничего не дрогнет. Она давным-давно про брата и сестру не вспоминала, искренне считая себя сиротой. И все знали, что Алёна Малахова сирота, что родители её погибли в аварии, и случилось это давно, ещё до её двадцатилетия. С тех пор, как ей исполнилось двадцать, именно это Алёна про себя и рассказывала. И добавляла, что тема эта для неё болезненная, и обсуждать гибель родителей она не любит. И люди проявляли такт и уважение, и лишних вопросов не задавали. Но всё же она оказалась сердечнее и жалостливее, чем сама о себе думала. И просто так расстаться с младшей сестрой не смогла. И когда они вышли от тёти Маши, расцеловавшись с той и пообещав звонить и не пропадать, завернули за угол и оказались перед своим домом, Алёна сказала:

– Давай заедем куда-нибудь, поболтаем?

Предложила, а сама смотрела не на сестру, а на злополучный дом, на двор, со старыми качелями и детской горкой перед ним, на тёмные окна квартиры. Знала, что чтобы не случилось, даже если судьба снова приведёт её в этот город, она больше никогда к этому дому не подойдёт, больше никогда его не увидит. От вновь нахлынувших воспоминаний, невольно поморщилась, и тогда уже от дома отвернулась и посмотрела на сестру. Та, в ответ на её предложение, с энтузиазмом кивнула.

– Давай. А куда?

Алёна безразлично пожала плечами.

Таксист привёз их в город, они проехали по главному проспекту, мимо торгового центра с его витринами, мимо памятника Победе, мимо цветных билбордов и больших клумб.

– О, это «Амакс»! – воскликнула в какой-то момент Зоя и даже подпрыгнула на сидении. На Алёну посмотрела. – Развлекательный центр, и там ресторан есть.

Посещать развлекательный центр в день похорон матери даже Алёне показалось чересчур бездушным, но Зоя так смотрела на неё, умоляюще, что она, в конце концов, кивнула. Такси свернуло на стоянку, Алёна расплатилась, и вышла вслед за сестрой. Та уже успела одёрнуть

короткую юбку, поцокать каблуками, а когда они с Алёной встретились взглядами, разулыбалась. Зое всё было нипочём, и от этого её было ещё сильнее жаль. Себе Алёна готова была простить равнодушие к судьбе матери, всё-таки они не общались много-много лет, а вот Зоя с ней выросла. Как сказала тётя Маша, прожила с матерью до пятнадцати лет, но смерть родительницы сестру совершенно не расстроила. Судя по её поведению. Но говорить что-либо Алёна посчитала неправильным. Не ей судить сестру, не ей.

Весь первый этаж развлекательного центра занимал кинотеатр. На втором этаже располагался боулинг и караоке-бар. Они же поднялись на третий и оказались в ресторане. Роскошью и солидностью здесь и не пахло, Алёна даже рестораном это заведение назвала бы с натяжкой, больше всего было похоже на семейное сетевое кафе, с пиццей, роллами и списком недорогих закусок. Даже интерьер не впечатлял, всё было устроено для семейного отдыха, в дальнем углу даже детский надувной городок с шарами и прочими играми. Но Зоя была в восторге. Алёна наблюдала за ней украдкой, и понимала, что для неё и это заведение верх системы обслуживания и развлечения.

Время было послеобеденное, посетителей в ресторане было совсем немного, Алёна с Зоей смогли выбрать стол у окна, присели на мягкие диванчики друг напротив друга. Зоя крутила головой, оглядываясь, а когда подошла молоденькая официантка, печально вздохнула.

– Если бы я знала, что мы сюда придём, я бы у тёти Маши ничего не стала есть.

– Закажи что-нибудь вкусное, – предложила ей Алёна, словно ребёнку. А для себя попросила чай.

Зоя начала воодушевлённо листать меню, в конце концов, попросила шоколадное пирожное, и какой-то невообразимый коктейль. Алкогольный. Алёна для себя отметила, что алкогольный, при том, что у тёти Маши они все выпили по рюмке водки, чтобы помянуть ушедшую, но Зоя, по всей видимости, решила продолжить.

– Ты уезжаешь? – спросила её Зоя, вдруг присмирев.

Алёна кивнула.

– Да, сегодня вечером.

Сестра многозначительно хмыкнула.

– Даже утра не дождёшься.

– Я и без того задержалась. Планировала вернуться ещё позавчера. У меня работа.

– Можно спросить, кем ты работаешь?

– Конечно, – удивилась Алёна. – Я риэлтор. Продаю элитную недвижимость.

Зоя откинулась на спинку диванчика, а на Алёну взглянула непонимающе.

– Что значит – элитную? В новостройках?

Губы Алёны раздвинулись в едва заметной улыбке.

– Нет. Я продаю то, что в состоянии купить только очень богатые люди.

– Аа...

Принесли заказ, и Алёна взяла горячий чайник и налила себе фруктовый чай. В воздухе повис аромат настоящих ягод, что порадовало. А Зоя придвинула к себе бокал с коктейлем и с энтузиазмом потянула его через трубочку.

– Круто, наверное, общаться с богатыми.

– Когда как. Все люди разные.

– И что ты им продаёшь?

– Разное. Дома, участки. Иногда яхты.

Зоя вытаращила на неё глаза.

– Яхты?

– Мы живём у Волги. Люди покупают себе яхты. – Алёна улыбнулась изумлению сестры, и даже успокоить её попыталась: – Но это не океан, и яхты небольшие. Некоторые только так называются.

– Всё равно, – хмыкнула Зоя. – Наверное, классно, когда у тебя есть яхта.

– Это на самом деле классно, – согласилась с ней Алёна.

– У тебя есть? – Глаза Зои сверкнули любопытством.

Алёна улыбнулась и покачала головой.

– Нет. Иногда Вадим берёт в аренду, когда нам хочется отдохнуть на выходных. Мы живём в городе.

– У тебя классная жизнь.

Алёна перестала улыбаться, посмотрела на розоватый от ягод чай в своей чашке.

– Не думай, что это всё свалилось мне на голову, – сказала она. – Поэтому я и говорю тебе: нужно понимать, чего ты хочешь. И идти к этому.

Зоя кивнула, но выглядела при этом мрачно. А Алёне сказала:

– Интересно, куда здесь идти. В какую сторону хотя бы?

– Я уехала, – напомнила ей Алёна. Не сдержала вздоха, а сама ещё и руки до боли сцепила, правда, под скатертью, чтобы Зоя не видела её слабости. Раздумывала, стоит ли рассказать сестре хоть толику правды о себе. – Как только я оказалась в детдоме, поняла, что ничего у меня не будет, если я сама не решу это взять. Дома было плохо, и там не лучше. Не скажу, что хуже. Там меня, хотя бы, кормить и одевать не забывали, и мне не нужно было думать, чем кормить вас, чтобы вы не плакали ночь напролёт. Но таких, как я, в детдоме был не один десяток. Большая конкуренция. А я не обладаю никакими особыми талантами. Я всегда это понимала отлично, я даже училась с трудом. Потому что всем было плевать, умею я читать-писать или нет. У меня нет особых способностей, нет высшего образования, всё, что у меня есть, я сама, буквально, выгрызла зубами. Потому что я хочу так жить. Вот и ты живи так, как тебе хочется. Ты же моя сестра, я желаю тебе добра. Уверена, что у тебя тоже всё получится. Родители нам много не дали, но характер нам закалили. Вот и пользуйся этим.

– Алён, ты красивая, – вздохнула Зоя, разглядывая её с заметной завистью.

– И ты красивая, – не осталась Алёна в долгу. – Мы же с тобой очень похожи, почему ты в себе сомневаешься?

– Да я не сомневаюсь. Парней у меня, как грязи. Но толка от них никакого, если честно. Но ты очень красивая! Такая... как королева!

– Это лишь видимость, – снисходительно улыбнулась ей Алёна. Зоя смотрела на неё с восторженностью и детской непосредственностью, и девочку хотелось пожалеть, поддержать, научить. – Всё дело в том, сколько ты на себя тратишь. Я давно это усвоила. Конечно, можно тешить себя иллюзиями по поводу воспитания, благородства, честности и образованности, но это всё не работает, пока ты не поймёшь, что ты сама – это твоё главное вложение. Красота не даётся от природы. – Алёна даже усмехнулась, весьма вызываяще, на мгновение позабыв, что разговаривает с младшей сестрой. – От родителей тебе может достаться милая мордашка, густые волосы, даже хорошая фигура, но со временем ты обязана научиться, как всем этим пользоваться. Вот и приходится упаковывать всё это в приличную обёртку. Потому что многие, поверь мне, Зоя, многие, особенно, мужики, к тому же богатые, кроме сияющей обёртки видеть ничего не желают. Это самая паскудная категория мужиков. Хотя, нет, я не права. Самая паскудная категория хочет спать с королевой, при этом ничего ради этого не делая, и копейки в это не вкладывая.

– Вот такие мне и попадаются!

Зоя казалась немного захмелевшей и не на шутку задумавшейся. И Алёна решила, что сумела её запугать своими чёрствыми рассуждениями, и решила немного растормошить.

– Давай, расскажи мне о себе. Чем ты занимаешься, как живёшь.

Зоя помешала трубочкой ополовиненный коктейль. Судя по тому, что она выглядела захмелевшей, коктейль был довольно крепкий.

– Рассказывать особо нечего. С пятнадцати лет в интернате. После того, как Леван уехал, самого младшего с собой забрал, мать вообще с катушек слетела. При нём всё терпимо было. Хотя, скажу тебе, мужик он был суровый. Осетин, как в доме появился, всех строить принялся. Виталик злился жутко. Они без конца ругались, выясняли, кто хозяин в доме. Но ты же знаешь, какая мать. Для неё мужики всегда на первом месте были. Она Витальку быстро на место поставила, мол, не нравится, выметайся. А куда он пошёл бы? Ему до армии два года оставалось. Но, я тебе говорю, при Леване терпимо было. Мать не пила, он за ней следил. Чуть что, сразу в зубы.

– Он её бил?

– Да не бил!.. – Зоя лениво отмахнулась. – Но в зубы дать мог. Ей помогало. – Зоя ухмыльнулась. – Как в глаз получит, так неделю дома сидит, носа на улицу не кажет. Леван запрещал, мол, нечего его позорить. Еду покупал, одежду. А потом её снова понесло, он ребёнка забрал и уехал. И поминай, как звали. И вот тогда самая жесь и началась. Через несколько месяцев из опеки опять пришли. Если честно, – понизила Зоя голос, – думаю, тётя Маша их и вызвала. И всех детей забрали.

– Злишься на тётю Машу?

Зоя плечами пожала.

– А что мне злиться? Дома лучше, что ли, было? Ни пожрать, ни поспать. Всё мужики какие-то таскались. А мать потом ещё и на меня наезжать начала, мол, я у неё мужиков отбиваю. Прикинь? А мне пятнадцать лет! Нужны мне были её вонючие старикашки.

Алёна лишь головой покачала. Сестру послушаешь, так ей ещё повезло, что её так рано из дома забрали.

– Виталику в армию скоро, его в покое оставили, он так с матерью и жил, а меня в интернат забрали. – Зоя презрительно фыркнула. – Видите ли, я в школу не хожу! А чего я там не видела?

– Но школу ты закончила?

– Закончила. В интернате. И на парикмахера выучилась. – Зоя раздвинула губы в улыбке. – Так что, я парикмахер.

– Это неплохо, – осторожно заметила Алёна.

– Наверное. Просто я это ненавижу.

– Не работаешь?

Зоя протянула ей руку, демонстрируя маникюр.

– Я ногти делаю. Переучилась. Всё лучше, чем по десять часов в день с ножницами вокруг кресла топтаться.

– А живёшь где?

– Здесь, в городе. С подругой комнату на двоих снимаем. На Дмитровской.

– Я не знаю, где это.

Зоя махнула рукой куда-то в сторону.

– На окраине. Но всё равно лучше, чем в посёлке, да в квартире с бомжами. Спасибо мамочке родной, постаралась для нас всех.

– А где ты прописана? Если в квартире...

Зоя поджала губы, выглядела недовольной и задумчивой.

– Прописана, а толку? Эта квартира ничего не стоит. К тому же, продать мне её не дадут. Там же ещё целый выводок малолетних прописан. Я уже узнавала в опеке.

– По крайней мере, есть, где жить.

– А ремонт? – Зоя глаза на Алёну вытаращила, в этот момент казалась обиженной и возмущённой.

– Да уж, – пробормотала Алёна, не совсем понимая, чего Зоя от неё ждёт, каких слов и какой реакции. Она к этой квартире никакого отношения не имеет. – Ты видишься с младшими?

Зоя плечом безразлично дёрнула.

– А зачем? Их забрали в семейный детский дом, они меня уже и не помнят. Как я за ними горшки таскала. Но им, наверное, повезло больше всех. Виталик созванивается с их приёмными родителями, рассказывает, что всё у них хорошо. Там, кроме них, ещё пятеро. Отдельный дом, огород. В школу их всех папочка на микроавтобусе возит, представляешь? Но, наверное, им повезло больше, чем нам. Они, хотя бы, всей этой грязи не запомнят.

– Согласна.

Зоя выцедила остатки коктейля, в полной задумчивости, после чего выпрямилась и взглянула на Алёну открыто, даже улыбнулась.

– Но ты правильно говоришь: нас не сломать, характер, как железо. Так что, у меня тоже всё будет хорошо.

– Обязательно.

– Я вот жду, мне обещали место в хорошем, дорогом салоне. Устроюсь туда, и всё у меня наладится. Может, даже ипотеку дадут. Чтобы свой угол был.

– Это очень правильный настрой, – похвалила её Алёна.

– Ты мне свой номер телефона дашь? Хотя, с Новым годом тебя поздравлю.

Алёна поспешила кивнуть.

– Конечно.

И в тот момент, когда забивала свой телефонный номер в старенький смартфон сестры с заметной трещиной на экране, искренне подумала: а почему нет? Что плохого в том, что у неё появится близкий человек? Родная кровь? Которому иногда можно будет позвонить, спросить, как дела, и чему-то порадоваться вместе?

Они простились на стоянке перед развлекательным центром, Алёна вызвала для сестры отдельное такси, и прежде, чем та села в машину, они неловко обнялись, и Алёна решила не расстраиваться из-за того, что у неё и в тот момент в душе ничего не дрогнуло. Она будет над собой работать, она хочет над собой работать. В плане того, чтобы просто кого-то любить, без всякой выгоды для себя. Это ведь правильно. Это нормальные человеческие эмоции.

– Обязательно звони мне, – сказала она Зое, и улыбнулась той на прощание. Но всё же не сдержала вздоха облегчения, когда сестра уехала. Алёна села в поджидавшее её такси, вдруг осознала, что экскурс в её невесёлое прошлое, наконец, закончился, и почувствовала радость. Можно дальше жить спокойно.

Через несколько часов уже была на железнодорожном вокзале. Таксист помог вытащить новый, модный чемодан из багажника, Алёна расправила плечи, взялась за ручку, и направилась к дверям вокзала, про себя радуясь, что на ней яркий брючный костюм, а не тёмное, в связи с похоронами, платье. Как приятно вернуться к жизни!

Поезд уже стоял на перроне, Алёна прошла по небольшому залу ожидания, остановилась у киоска, чтобы купить воды. Хотелось улыбаться и лететь прочь отсюда. Расплатившись за воду, она обернулась, окинула взглядом зал и людей, ожидающих прибытия своих поездов. Чемоданы, разговоры, поцелуи на прощание. Алёна же заторопилась к поезду, её никто не провожал. На перроне несколько мужчин в спецодежде с логотипами «РЖД», по виду, грузчики или ещё какие-то работники. Они курили, переговаривались негромко, некрасиво сплёвывали на шербатый асфальт. Алёна шла в их сторону, к своему вагону, даже не посмотрела бы в их сторону, если бы её внимание не привлёк знакомый профиль. Она сбилась с шага, всего на мгновение, но этого хватило, чтобы встретиться взглядом с молодым мужчиной. Он держал сигарету между зубов, как делал всегда, и смотрел на неё в упор. Без любопытства, зато пылливо и оценивающе. А Алёна задохнулась, поморщилась от внезапно накатившей брезгливо-

сти, удивляясь, что, вообще, смогла его узнать, ведь прошло столько лет, и Сашка Стрельников, без сомнения, изменился, и далеко не в лучшую сторону. Но что поделать, видимо, первая любовь, на самом деле, не забывается. Ведь когда-то она едва не испортила себе жизнь из-за него, едва не наделала кучу глупостей. Благо, хватило ума купить на последние деньги билет на поезд, и сбежать. И из этого города, и от прошлого, и от него. И вот теперь он на перроне, вроде как провожает её.

– Алёна?!

Она услышала его голос, низкий, прокуренный. Он выкрикнул её имя, всё-таки не до конца уверенный, что это она. Не нужно было реагировать, но Алёна оглянулась, снова встретилась с ним глазами, зачем-то дала понять, что тоже его узнала, но вот уже открытая дверь фирменного вагона, приветливая проводница, Алёна протянула ей билет и паспорт, и поспешила шагнуть с перрона в вагон. Но опять же остановилась в коридоре у окна, смотрела и на Сашку, и на перрон вокзала городка, в котором родилась. Поезд тронулся, а Стрельников подошёл ближе, и теперь напоминал бродячего пса, разглядывающего барский дом. Он даже пошёл следом задвигающимся поездом, и они с Алёной смотрели друг на друга. И на одну короткую секунду, Алёне захотелось узнать, о чём он думает в этот момент. О ней, о своей жизни. Но секунда улетела в небытие, её первая любовь осталась на перроне в грязном комбинезоне, а Алёна спокойно открыла дверь в своё купе, и, наконец, почувствовала, что сердце у неё на месте.

У неё всё хорошо.

3 ГЛАВА

Дома вкусно пахло свежесваренным кофе. Алёна с удовольствием втянула в себя этот аромат, и уже после этого сладко потянулась и, наконец, открыла глаза. Как замечательно проснуться утром, с осознанием того, что ты дома! Что всё благополучно, спокойно, с ощущением того, что тебе ничего не угрожает. Даже собственные воспоминания.

– Ты проснулась?

Алёна перевернулась на спину, посмотрела на Вадима. И улыбнулась ему. Улыбнулась просто тому, что видела. Вадим Прохоров был воплощением её девичьей мечты, она поняла это в тот самый момент, когда впервые увидела его. На собеседовании, когда пришла устраиваться на работу в агентство недвижимости, филиалом которого он руководил. Увидела и поняла, что сделает всё, что угодно, чтобы, во-первых, работать именно здесь, а, во-вторых, сразить этого молодого мужчину наповал. Красотой, воспитанием, образованностью, лёгкостью характера. Алёна готова была стать любой, такой, какой он захочет её видеть, лишь бы Вадим Прохоров обратил на неё своё внимание. И дело было совсем не в том, что Вадим неотразим или по-особенному красив, он не запал в душу с первого взгляда Алёны на него. Но Прохоров был весьма похож на мужчину мечты детдомовской девчонки, которой, правдами и неправдами, удалось подняться по социальной лестнице, пусть и на пару ступенек, но это уже было поводом собой гордиться. Что она не где-то, зарабатывает копейки, а по серьёзной протекции пришла устраиваться на работу в крупный филиал солидного московского агентства недвижимости. Значит, уже чего-то смогла добиться.

А Вадим был молодым и перспективным, мужчиной с обложки журнала о бизнесе и предпринимательстве. Выбравшись из своего маленького городка, оказавшись в мегаполисе, с несколькими копейками в кармане, Алёна любила время от времени остановиться перед витриной с глянцевыми журналами, и с обложек на неё смотрели молодые и успешные люди. Из той жизни, о которой она даже не мечтала. И однажды она долго-долго разглядывала обложку финансового журнала, и молодого мужчину на ней. Он сидел в шикарном офисном кресле, на нём был дорогой костюм, шёлковый галстук, но самое главное – его взгляд и улыбка искрились уверенностью, причём, уверенностью не в себе, а в завтрашнем дне. И это запало в душу, в сознание, и поэтому, даже спустя энное количество лет, увидев Вадима Прохорова, оказавшись в его кабинете, ей вдруг показалось, что та картинка ожила. И Алёна решила, что должна в него влюбиться. Решила, что она хочет этого мужчину, чтобы он принадлежал ей, с головы до пят, вместе с его уверенностью, завтрашним днём и планами на жизнь. А насколько он красив, подтянут и остроумен, было не так уж важно. Алёна была влюблена в их с Вадимом жизнь в целом.

И поэтому сейчас она улыбалась, сонно наблюдая за тем, как Вадим завязывает галстук, собираясь на работу, чуть наклонившись к зеркалу, ей нравилась его итальянская рубашка, светлые брюки, и даже чуть поредевшие на затылке волосы. Но это было совсем неважно, она любила Вадима таким, какой он есть. При незначительных внешних недостатках, Вадим Прохоров считался ведущим специалистом по продажам и отличным руководителем. Московские учредители его ценили, не скупились на премии и бонусы, не редко отправляли в заграничные поездки, порой по работе, а иногда и просто отдохнуть, и почти всегда Алёна его сопровождала. И жизнь казалась ей сказкой. Они съехались с Вадимом полтора года назад, и Алёна буквально наслаждалась каждым днём. При этом, не забывая цепким взглядом отслеживать всех потенциальных соперниц. Случалось так, что не получалось скрыть свои ревностные настроения, Вадим ловил её на подозрениях и придирах к женской части сотрудников агентства, но, в основном, начинал смеяться, умилялся её ревнивой женской сущности, и клялся, что ему никто, кроме неё, не нужен. Зачем ему искать ещё кого-то, раз рядом с ним самая кра-

сивая девушка, что он когда-либо встречал. И после таких заявлений, пусть несколько притворных и преувеличенных, обычно наступал мир, Алёна счастливо улыбалась, ведь Вадиму совершенно не зачем было знать о том, что счастливая улыбка доставалась лишь ему. А соперница оставалась соперницей, даже если ту случайно угораздило пофлиртовать с её мужчиной. Но поставить её на место было необходимо, чтобы больше никогда черту не переступала. Да и для других наглядный пример.

Сам Вадим не слыл бабником или гулёной, что Алёне определённо в нём импонировало, но когда мужчина молод, успешен, а впереди его ждёт ещё больший карьерный рост, за ним следовало приглядывать. И, если уж, он достался тебе, нужно проявлять определённую осторожность, не расслабляться, не забывать говорить ему, что он самый лучший во всех отношениях. Мужское самолюбие – вещь весьма полезная и податливая, главное, научиться ею управлять.

Вадим подтянул узел галстука, и обернулся. Алёна сразу протянула к нему руки. Он рассмеялся, подошёл к кровати, упёрся коленом в матрас, и к Алёне наклонился. За утренним поцелуем.

– Привет, – проговорила она ему в губы после поцелуя.

Вадим ещё раз её поцеловал, на этот раз в кончик носа.

– Привет. Вставать не собираешься?

Алёна перевела взгляд на часы. Они показывали половину девятого.

– У меня показ в полдень, в Солнцево. Так что, у меня есть причина и полежать, и не ездить в офис утром.

– Хорошо ты устроилась, – хмыкнул Вадим. – А у меня встреча за завтраком в центре.

Алёна перевернулась на бок, подложила под щеку ладонь. Знала, что так она выглядит не только милой и сонной, но ещё и беззащитной. И Вадиму это очень нравится, хотя он ни разу об этом в открытую ей не говорил, но всегда задерживал взгляд на её лице в такие моменты. Вот и сейчас. Уже надел пиджак, а стоял у двери и медлил, на Алёну смотрел. На его губах блуждала улыбка.

– Буду скучать, – негромко, но с особым смыслом проговорила Алёна.

Вадим хмыкнул, улыбнулся и подмигнул ей. После чего из спальни вышел. Алёна улыбаться перестала, снова перевернулась на спину и раскинула руки в стороны. Закрыла глаза. Утро было не таким уж и радужным, если вспомнить, что за сон ей приснился под утро. Прошло почти две недели со дня похорон матери, с тех пор, как она вернулась, но неприятные сны продолжали её изводить. Если они, конечно, приходили. Потому что первую неделю Алёна мучилась бессонницей, едва ли не до рассвета крутилась в постели с боку на бок, не в силах избавиться от неприятных мыслей. Когда садилась в поезд, была уверена, что утром, проснувшись в своей постели, заживёт, как прежде, без лишних мучительных размышлений. Но что-то пошло не так. Она думала о матери, вспоминала убогие похороны, даже мучилась чувством вины за то, что в тот момент не захотела с ней проститься, а, возможно, и простить её за всё, что случилось, за то, что она сделала и с её жизнью, и с жизнями других своих детей. Возможно, матери в своё время не хватило любви, не хватило разума, силы в какой-то момент остановиться и задуматься. Все мы люди, у всех у нас есть слабости и недостатки, и над некоторыми из них мы не властны. И, наверное, нужно прощать чужие слабости и ошибки, чтобы они не превратились в твои собственные, и не принялись мучить тебя. Вот как произошло с Алёной. Когда она стояла у могилы, она думала о туфлях, а не о маме. Которую она всё же помнит, и довольно хорошо. Да ещё наслушалась от тётки историй из жизни родителей, и теперь анализирует. Пытается разобраться в том, о чём знает поверхностно, с чужих слов. И даже не понимает, для чего ей это нужно. Она думает о сестре, о брате, о тех, кого помнит, не о младших. У них жизнь ничуть не лучше и не слаще, чем у неё. И то, что они не оказались в детском доме, им совсем не помогло и участь не облегчило. Думает о Сашке, в которого по юности

и глупости была влюблена, никак не может забыть, как он шёл по перрону за движущимся поездом, как смотрел на неё, а Алёне было и любопытно, и жаль, и брезгливо, и в то же время удивительно, вспоминая свою первую любовь. А тогда смотрела на него через окно вагона, и всё пыталась разглядеть во взрослом, неряшливом мужчине того парня, ради которого ввязывалась в опасные авантюры и прикрывала того перед стражами порядка. Неудивительно, что столько мыслей разом лишили её сна. А когда сон вернулся, то принёс с собой картины её переживаний и воспоминаний. И ей снилась мама, молодая и весёлая; снилась Зоя на её руках, и Сашка, с его пронзительным тёмным взглядом. И по утрам Алёна просыпалась взволнованная и совсем не отдохнувшая.

Она позволила себе полежать ещё несколько минут, после чего поднялась, накинула на себя шелковый халат, прошла в ванную комнату и открыла воду в ванну. А сама вышла из спальни. С кухни манил кофейный аромат. Алёна вошла и улыбнулась экономке.

– Доброе утро, Варвара Павловна.

– Доброе утро, Алёночка.

Варвара Павловна, женщина лет шестидесяти, всегда скромно одетая и причёсанная, с самого начала называла её этим странным именем – Алёночка. Но Алёна не возражала. Отношения у них сложились дружеские, даже добросердечные, Варвара Павловна о ней заботилась, неожиданно именно к ней проникшись глубокой симпатией, и за это Алёна позволяла ей интерпретировать её имя по-своему.

– Хотите кофе?

– С удовольствием, – отозвалась Алёна, присаживаясь на высокий табурет у стойки. – А Вадим кофе пил?

– Только кофе и пил. Сказал, завтракать будет в городе. А я вот сырников нажарила. Хоть вы поешьте.

– С удовольствием съем, но только после того, как приму ванну. Проснуться никак не могу.

Варвара Павловна поставила перед ней чашечку кофе, Алёна взяла её и поднялась, подошла к большому окну. Жили они на десятом этаже нового многоэтажного дома в просторной трёхкомнатной квартире. Из окон открывался изумительный вид на Волгу, а в соседях сплошь приличные, преуспевающие люди. Вадим очень гордился своим положением в обществе, правда, этому ещё способствовали его родители, оба были врачами, настоящими специалистами в своих областях. Отец Вадима долгие годы проработал в областной больнице, лицевым хирургом, пациенты записывались к нему на операцию за несколько месяцев, Анатолий Фёдорович столько судеб изменил, Алёна вполне признавала тот факт, что он гений. Алёна уже не застала то время, когда Анатолий Фёдорович руководил отделением пластической хирургии областного ожогового центра, последние годы он преподавал, писал статьи в медицинские журналы мирового уровня, но зато знала, отлично видела, что отец Вадима серьёзно переживал, когда перестал оперировать. Всё-таки возраст уже не тот, зрение стало подводить, а если послушать Анну Вячеславовну, маму Вадима, то у её мужа целый список заболеваний. Начиная от гипертонии и заканчивая хронической бессонницей. Для Анатолия Фёдоровича Вадим был поздним ребёнком, отцом он стал в возрасте сорока двух лет, взяв в жёны свою ученицу, что тогда проходила у него практику. Анна Вячеславовна практикующим хирургом так и не стала, то ли не захотела работать под надзором мужа, то ли поняла, что ей недостаёт определённых качеств для такой профессии. Хотя, это было странно, из своего общения с матерью Вадима, Алёна вынесла одно – решительности и упрямства этой женщине не занимать. И совсем не удивительно, что в своём желании поучать всех вокруг, Анна Вячеславовна нашла своё призвание, и, получив второе медицинское образование, стала дипломированным психологом. А свекровь-психолог – это серьёзное испытание и тяжёлая ноша, которую Алёна старалась нести и проявлять при этом стойкость, понимание и даже любовь. Ведь

если этой женщине суждено стать её свекровью, то есть, семьёй, то нужно принимать её такой, какая она есть. И любить, не смотря ни на что. Потому что для Вадима это важно. Потому что он любимый мамин сынок, единственный, и с этим также приходится считаться. Ведь он не виноват, что полюбил девушку, которая, по сути, и не знает, что такое семья. Не виноват, и не догадывается об этом, а Алёне нужно лишь хорошо играть свою роль идеальной невестки, и тогда всё сложится отлично. Не нужно перекладывать свои проблемы на других. К тому же, Анне Вячеславовне только повод дай покопаться в её тёмном прошлом и ещё более мрачном детстве, она психоанализом сведёт в могилу. И без того без конца указывает, как Алёне следует вести себя в качестве подруги её сына. Видимо, каким-то внутренним чутьём улавливает, что Алёне несказанно повезло оказаться рядом, вхожей в их правильную семью. Наверное, она всё-таки хороший психолог. Недаром к ней половина городской элиты проговаривать свои проблемы ходит.

Признаться честно, это был самый большой страх Алёны. Что её прошлое станет достоянием гласности. Она так долго и так тщательно скрывала своё детдомовское детство, мать-алкоголичку, что всерьёз боялась когда-нибудь запутаться в собственной лжи. И боялась не реакции окружающих, и даже не Вадима. Она была уверена, что с ним, с его изумлением, пусть и неприятным, сумеет справиться. Больше всего пугала Анна Вячеславовна. Вот что могло сниться в кошмарах. Её пронизывающий взгляд в упор, и брезгливое выражение на лице. Оно порой появлялось на идеальном личике, стирало с лица профессиональную, ничего не значащую улыбку всё понимающего специалиста по психологии, и Алёну каждый раз передёргивало от ужаса, даже когда к ней это никак не относилось. То есть, к ней это не относилось никогда, приходилось прикладывать неимоверные усилия для того, чтобы всегда поддерживать с Анной Вячеславовной хорошие отношения. К тому же, их надо было постепенно переводить в разряд родственников, а для этого разочаровывать будущую свекровь было никак нельзя.

Алёна допила кофе, негромко поблагодарила экономку и вернулась в спальню. Скинула с себя халат, прошла в ванную и плотно прикрыла за собой дверь. А когда опустилась в приятную, горячую воду, закрыла глаза. Интересно, каково это – жить без секретов, без неприятных воспоминаний и нелюбимого прошлого? Каково это – жить жизнью Вадима? Идеальной, будто всё из того же журнала об успешности и больших деньгах?

Она вот начала придумывать себе другую историю ещё в детдоме. Когда её забрали из дома, от матери и брата с сестрой, было страшно. Жутко страшно. Незнакомые люди куда-то везли её, при этом проникновенными голосами говорили, что там ей будет лучше. А Алёна просто не знала, что значит – лучше. Как это – лучше? Сытнее, теплее? Вся её жизнь до десяти лет прошла на маленьком пятачке рабочего посёлка. Квартира, двор между низкими домами с поломанными качелями и облезлой горкой, с которой она катала брата и сестру, чтобы как-то скрасить своё и их существование. Поход в магазин через дорогу казался целым приключением, а уж если им покупали конфеты, в основном, леденцы или ириски, это было настоящим счастьем. Школу до детдома, Алёна помнила плохо. Она то ходила в неё, то не ходила, для мамы это было необязательным условием. Она, наверное, даже не знала, умеет её старший ребёнок писать и читать, или нет. А также Алёна не помнила, попрощалась ли с ней мать, когда её увозили. Алёна была настолько взволнованна, её попросили взять с собой личные вещи, а она стояла посреди комнаты и думала о том, что это, вообще, такое – личные вещи. Затем их посадили в машину и куда-то повезли, младшие плакали и канючили всю дорогу. А потом их вовсе развели по разным комнатам, и Алёна их больше не видела. И только спустя несколько месяцев, наверное, полгода, когда тётя Маша пришла её навестить в очередной раз, Алёна узнала, что Виталика и Зою вернули домой. А её нет, потому что ей нужно учиться, а мать за этим совсем не следит и следить не собирается. Что тогда почувствовала, Алёна не помнила. Было ли ей обидно, страшно или жалко себя. Но помнила, что о матери говорить не любила, даже другим детям, таким же, как она. Когда те начинали мечтать о том, что мама обязательно,

совсем скоро, придет за ними, чтобы забрать домой, Алёна говорила, что за ней никто не придет. Потому что её родителям некогда, что они много работают, что ездят в важные командировки, а она здесь учится, потому что дома за ней некому присматривать. Конечно же, все знали, что она всё выдумывает, над ней даже смеялись, а она лезла в драку, доказывать, что она не такая, как все, не просто брошенный ребёнок. С возрастом это прошло, выдумывать небылицы Алёна перестала, попросту больше не заговаривала о матери и о своей жизни дома. Знала, что никто за ней не придёт и никакого чуда не случится. Время от времени её навещала тётя Маша, но у той была своя семья, дети, и Алёна запретила себе привязываться к тётке и ждать её визитов. А чем взрослее становилась, тем сильнее уверялась в том, что ей никто не нужен из жизни до детдома. Всё это осталось далеко позади, судя по тому, что мать так ни разу о ней не вспомнила и не подумала навестить. В конце концов, Алёна попросила тётю Машу не приходить. Наверное, была чересчур груба, раз та её послушала, но в то время ждать чего-то другого от девочки-пацанки было глупо. Но это всё же глодало изнутри, раз спустя много лет, уже живя в Нижнем Новгороде, Алёна написала тётке письмо и даже добавила несколько слов извинений. И приписала свой номер телефона. Признаться честно, не ждала, что тётя Маша откликнется, и это была бы вина лишь самой Алёны, что по подростковой глупости оттолкнула единственного человека, которому было не наплевать, жива она или нет, но тётя Маша ей позвонила. Плакала, причитала и радовалась, когда Алёна говорила, что у неё всё хорошо. И с тех пор они созванивались, редко, в основном по большим праздникам, и сокровенным Алёна с тёткой никогда не делилась, ни с кем не делилась, но знать, что есть кто-то родной в целом свете, было немножко приятно. От этого становилось спокойнее.

Детдом научил её драться за своё, при любых обстоятельствах. Городок у них маленький, детский дом находился на окраине, и подопечных при нём находилось не так много. Алёна не помнила особых ужасов, её никто не бил и не третировал, но сытым и вольготным её детство не было. В детдоме учили, кормили, даже одевали, насколько хватало финансовых возможностей, но их всегда не хватало. Так же, как человеческого отношения и любви. Детдомовский ребёнок – это, словно, печать на всю жизнь. На тебя с самого детства смотрят косо и ждут неприятностей. Что ты что-то украдёшь, нагрубишь, ударишь исподтишка. В общем, за что бы ни принялся, обязательно всё испортишь.

Так как детский дом был небольшим, к ним, в основном, свозили детей из неблагополучных семей их городка и окрестных населённых пунктов, сёл и деревень, то своих образовательных классов в воспитательном учреждении не имелось. И все сто пятьдесят подопечных ходили в районную школу через дорогу. И это было самое ужасное, что Алёна могла вспомнить. Несмотря на чрезмерную бдительность всего педагогического состава, во всём, что случалось в школе, винили детдомовцев. С ними запрещали общаться остальным детям, не в открытую, но это как бы само собой разумелось, и родители, и учителя изначально прочерчивали социальную грань. К ним относились более строго, требовали меньше, по всей видимости, махнув рукой на образование сирот, дети из благополучных семей смеялись, издевались и показывали на них пальцами. И ничего удивительного, что детдомовские всегда держались особняком, и никого чужого к себе не подпускали, всегда готовые броситься в драку. Алёна отлично помнила, что значит чувствовать себя не такой, как все. Не так одетой, не так разговаривающей, будто бракованной и из-за этого выброшенной на обочину жизни. Но общая сплочённость в школе заканчивалась, стоило всем вернуться под крышу детдома. Там все разбивались на компании, одиночки забивались каждый в свой угол, и разговоры в детских помещениях велись совсем не детские. Сиротам хотелось всего и сразу. Денег, красивой одежды, привилегий, младшие мечтали о мороженом и конфетах, о новых игрушках. Ничего удивительного, что участковый и надзорные из детской комнаты милиции появлялись на пороге кабинета директора едва ли не через день. Подростки ночами убегали, хулиганили, курили дешёвые сигареты и пили столь же дешёвый алкоголь. Бывало, что дрались, бывало, могли ограбить

какого-нибудь подвыпившего, загулявшего прохожего. На памяти Алёны двое мальчиков оказались в воспитательной колонии именно за ограбление.

И никого из подопечных детского дома не ждало ничего хорошего. Эти дети не верили в чудеса, даже в подарки на Новый год они переставали верить довольно рано. И Алёна была именно таким ребёнком, такой она себя отлично помнила. Как смотрела на других детей в школе и злилась, злилась из-за того, что у них есть то, чего нет у неё. Она не помнила, чтобы у кого-то были обеспеченные родители, в их городке людей при деньгах было найти весьма проблематично, а если и возможно, то они своих детей в школу на окраине города не привозили. Но тогда об этом не думалось. Просто у других детей, которым повезло больше, были родители, и был дом. И своя постель, и своя тарелка в шкафчике на кухне, и одежда, которую до тебя никто не носил. Личные вещи, про которые Алёна ничего не знала, вплоть до того момента, пока сама впервые не купила себе нижнее бельё. И это казалось невероятным, настоящим событием и достижением в жизни.

За семь лет жизни в детдоме, друзей Алёна так и не завела. В детском доме, вообще, никто ни с кем не дружил. Дети разбивались на компании, группы, а если кто-то и дружил, то против кого-то. Все защищали только свои интересы. Алёна столько раз видела, как легко рушилась дружба между девочками, которые долгое время едва ли не ели с одной тарелки, клялись друг другу в вечной дружбе, мечтали, как выйдут замуж в один день и будут дружить большими, крепкими семьями, что сама подобный опыт повторять никак не хотела. А рушилось всё по пошлым, банальным причинам. Всё, как во взрослой жизни. Зависть, деньги, мужчины. Детдомовские выросли рано, и проблемы с самого детства их преследовали взрослые и серьёзные. Алёну называли одиночкой, называли заносчивой, кричали в спину, что она уродина и тупица, и нельзя сказать, что она воспринимала оскорбления стойко, с высоко поднятой головой. Она была обиженным подростком, и что-то кричала в ответ, а временами и с кулаками могла накинуться. Вспоминая себя в пятнадцатилетнем возрасте, Алёне становилось не просто не по себе, порой становилось страшно. Она была настолько неуправляема, неподконтрольна, что совершенно ничего нет удивительного в том, что, в конечном счёте, связалась с Сашкой Стрельниковым. Он был как раз одним из тех парней, по чью душу раз за разом в детский дом навевалась милиция, и даже директор однажды прилюдно признался в том, что ждёт не дожждётся, когда Стрельников либо покинет их дом в силу возраста, либо, наконец, влипнет во что-то серьёзное, и угодит в воспитательную колонию. Лишь бы отсюда подальше. А Сашка залихватски усмехался, выпячивал грудь колесом, нахально сплёвывал на асфальт и смеялся над всеми предостережениями и наставлениями. Он был старше Алёны на год, общался в своём кругу, и долго не обращал на неё никакого внимания. Алёна предпочитала держаться ото всех в стороне, ничуть не тяготясь своим одиночеством, не желая сидеть в кругу сверстниц, которые ночь напролёт готовы были обсуждать косметику, шмотки и парней. О правильном воспитании в детском доме мало кто заботился, особой морали тоже не прививали, и большинству девочек пятнадцати лет уже было что обсуждать, и чему поучиться у подружек. Алёна знала, что некоторые девочки принципиально не встречались с местными парнями. У некоторых были взрослые любовники, которые, конечно же, играли с ними и пользовались их юностью, порой даже наивностью и невинностью, но зато дарили подарки и покупали одежду. Когда ты растёшь в детдоме, зачастую, не зная, что такое модное платье, это значило много. Хотя, имело совсем другое, определённое название, как Алёна узнала значительно позже, повзрослев. Тогда подобное поведение одноклассниц, если не казалось нормальным, то не шокировало и не удивляло. Её тогда, вообще, мало что удивляло. У неё было иное мышление и другие желания.

Но даже тогда Алёна вполне осознавала, что дружба со Стрельниковым может быть опасна, он запросто может втянуть её в плохую историю. Но юность, играющие гормоны, и потянуло именно к нему. И привлекал Сашка именно своей бесшабашностью, смелостью и разившей от него опасностью. Казалось, что он ничего не боится. Он смеялся над учителями,

над милиционерами, он разговаривал киношными фразами, задорно улыбался, и у него были красивые глаза. В пятнадцать лет Алёна легко поверила в то, что между ними любовь. Стрельников казался смелым, опытным, как ни глупо это звучит сейчас, спустя годы, он виделся ей настоящим мужчиной, пусть и не героем. Ведь герои не пьют водку, не ругаются матом и не донашивают чужие кроссовки. Но он выделялся среди других знакомых ей парней. Они смотрели на него, и она смотрела на него. А когда и сам Стрельников обратил на Алёну своё внимание, она решила, что кто-то нужный наверху щёлкнул пальцами, и между ними теперь любовь. Со всеми вытекающими.

Он стал её первым мужчиной. Сейчас Алёна не любила это вспоминать: тесную, захламлённую комнату в подвальном помещении детдома, где мальчишки собирались вечерами, чтобы поиграть в карты, попить пиво и погоготать, как умеют делать только озабоченные подростки. Вот в этой комнате и стоял старый топчан, накрытый колючим шерстяным одеялом, а роль подушки на нём играла старая телогрейка. Непонятно, кто на нём иногда спал или отдыхал, тогда и в голову не приходило спрашивать или беспокоиться о гигиене, но на этом топчане всё и случилось в первый раз. Алёне было пятнадцать, и, помнится, она чувствовала себя счастливой. Впервые за много-много лет, а, может быть, и впервые в жизни. Неудивительно, что первый секс окончательно лишил её рассудка и рассудительности, и она за Стрельникова готова была пойти и в огонь, и в воду, не говоря уже о том, чтобы наврать милиции, когда надо. Вплоть до самых выпускных экзаменов они считались самой крутой парой под крышей детского дома. И, наверное, их отношения продолжались дольше, чем у всех остальных. Может быть, это, на самом деле, была любовь? Первая, сумасшедшая, которую невозможно проанализировать, но и что-то для себя из этих отношений вынести, для будущего, тоже нельзя. Потому что будущего, как бы и нет. Алёна отлично помнила, что они жили одним днём. И Сашка, наверное, всё же любил её. Тоже, как мог, как жизнь научила. Но он заботился о ней, дарил подарочки, говорил, что она красивая. И становится всё красивее и красивее. Он дрался из-за неё с другими парнями, когда ему приходило в голову поревновать. Или хотел показать своё превосходство, а Алёна из-за него делала глупости, убегала с ним ночами из детского дома и болталась с Сашкой и его друзьями по ночным улицам, и чувствовала себя в те моменты невероятно смелой и свободной. И не думала о том, что жизнь может быть другой, казалось, что после детдома ничего не изменится. Потому что непонятно, как и что менять. Просто придёт день, когда их попросят собрать вещи и выставят за дверь. И совершенно не ясно, что тогда делать. А пока можно веселиться, хулиганить, сбегать, и не чувствовать за это вины. Ведь какая вина, если никто ничего хорошего от тебя всё равно не ждёт?

А потом этот день настал, и не для неё, а для Стрельникова. Он окончил школу, как положено, в срок, потому что никому не хотелось с ним возиться и дальше, чему-то учить, и, вообще, видеть в стенах школы и детдома. Ему выдали диплом о среднем образовании, а следом повестку в военкомат. Вот тогда осознание, что реальная жизнь, на самом деле, где-то за пределами детдома существует, впервые накрыло Алёну. Сашка уходил из её жизни, и хотя, Алёна пообещала ему, что будет ждать, писать письма, а Стрельников и вовсе пообещал, что женится на ней, как отслужит, она понимала, что это если когда-то и случится, то сейчас значения не имеет. Потому что его больше не будет рядом, и она остаётся одна. Ей предстоит самой прожить ещё год в детском доме, а затем выйти из его дверей в большой мир. И Алёна именно тогда, в тот момент, когда её детдомовская любовь рассуждала о том, как они заживут, когда он вернётся из армии, как поженятся, и непременно заживут лучше всех, сыто и богато, вдруг осознала, что мир-то, на самом деле, огромен. И он совсем не ограничивается этим маленьким городом, в котором на ней всегда будет клеймо детдомовской девчонки и дочери алкоголички. И тогда она впервые осознанно солгала человеку, которого вроде как любила. Который в последние два года был для неё самым родным и близким, который сделал её существование в этих стенах более-менее сносным. И без которого она, как казалось, не представляла

своей жизни, потому что он и был всем миром. Алёна смотрела в его красивые тёмные глаза, и кивала, соглашаясь со всем, что он говорил.

– Ты увидишь, два года пролетят быстро.

Она кивала.

– Ты ведь будешь меня ждать?

Алёна вытерла слёзы, которые лились и лились из глаз. Сашка думал, что это из-за его отъезда, а Алёна плакала из-за того, что изменить ничего нельзя. И дело не в том, что Сашка уходит в армию, а в том, что они прощаются сегодня раз и навсегда. Потому что, когда он вернётся, её не будет в этом городе. И это не её, и не его вина. Просто именно так и будет.

Она погладила его по щеке. Хотелось напоследок запомнить его лицо. Потому что, если они и встретятся после его возвращения, если так случится, он уже изменится. Он повзрослеет, возмужает, и перестанет быть её Сашкой. Весёлым хулиганом.

– Конечно, буду, – сказала она. – Письма буду тебе писать.

– А замуж за меня выйдешь?

Он смотрел ей в глаза, и даже особого трепета и волнения в его голосе не было, потому что Стрельников не сомневался в ответе. Это ведь он, а это она. Все давным-давно знают, что они пара, кому придёт в голову усомниться в их отношениях друг к другу? Даже им самим не придёт.

Алёна улыбнулась ему дрожащими губами.

– Выйду. Ты вернёшься, и мы поженимся.

Сашка кивнул, и улыбнулся счастливой улыбкой уверенного в себе человека. Именно эту улыбку Алёна и запомнила, именно её она вспоминала, когда имя первой любви всплывало в её сознании. На следующий день он уехал, Алёна смотрела в окно, как Стрельников идёт к воротам детского дома, на дороге его и ещё двоих подопечных детского дома ожидал автобус из военкомата, и в те несколько минут, что Алёна ещё могла его видеть, она позволила себе поплакать. Было безумно горько прощаться с близким человеком, и дальше жить с пониманием того, что жизнь такой и будет – нужно будет раз за разом кого-то от себя отпускать, даже близкого и любимого.

Просто отпустить. Пожелать удачи, понадеяться, что у близкого человека всё будет хорошо и без неё, и двигаться дальше. Она сделала это впервые в возрасте семнадцати лет. Алёна не собиралась даже задумываться, допускать возможность того, чтобы прожить следующие два года по тому плану, что ей предложил Сашка. Писать ему письма, ждать его возвращения и свадьбы. Как только она осознала, что Сашку у неё забирают, поняла, что в этом городе не останется. Даже самой себе не признавалась, но она с ужасом ждала дня, когда и ей укажут на дверь. Да, она ненавидела это место, ненавидела свою жизнь в детском доме, но как жить иначе, не знала. Ей никто не рассказывал. И никаких перспектив для себя она не видела. В назначенный день, ей, как и Стрельникову, выдадут на руки диплом о среднем образовании, и она станет здесь лишней. Её научили печатать на машинке, зачем-то, мальчишек, хотя бы на специальных уроках учили водить автомобиль, ей позволили закончить девять классов, и получается, что ей больше никто ничем не обязан, и её больше не задерживают. И, оказавшись за порогом детского дома, ей прямая дорога в общежитие бывшей ткацкой фабрики, где временно селили таких, как она, бездомных и беспризорных. А дальше что? Ещё полтора года ждать возвращения Сашки, перебиваясь с хлеба на воду, совсем одной? Но самое интересное: какие перемены принесёт его возвращение? Мысль об этом больше всего пугала, если честно. Алёна чётко понимала, что ни он, ни она никому не нужны. А Сашка говорил о свадьбе, о семейной жизни. Кто придёт к ним на свадьбу? Его детдомовские дружки-приятели, если к тому времени кого-то из них не посадят? У неё даже подруг не появилось за семь лет жизни в детском доме, и этот факт её, признаться, совсем не печалит.

Она не стала отвечать на его письма. Было трудно, очень Сашку жалко, и, не удержавшись, и прочитав одно из посланий, в котором Стрельников спрашивал, в чём дело, почему она ему не пишет, что она всё, что его в жизни радует, Алёна и читать их перестала. Его письма заставляли сомневаться и злиться на себя, удивляться на собственную чёрствость. А однажды к Алёне подошли одноклассницы, и напрямую поинтересовались, почему она так поступает с Сашкой. Как оказалось, не получив от неё в очередной раз ответа, он написал своим друзьям, в желании выяснить, что происходит с его Алёнкой, и слух о том, что Алёна поступает столь гадко, предательски, и ни с кем-нибудь, а со Стрельниковым, разнеслась по детскому дому. А там скрытничать были не приучены, и большинство проблем и недоразумений предпочитали решать в лоб, а то и кулаками. Вступать в открытый конфликт незадолго до выпускных экзаменов, не хотелось, Алёна не исключала, что может заработать пару синяков. Её и без того не особо жаловали, почему-то она не нравилась людям, особенно, женской половине, в последние два года принимали в любой компании из-за Сашки Стрельникова, потому что его любили все, считали своим везде, у него был талант становиться лучшим другом для всех. А теперь его рядом не было, можно было не изображать симпатию, а уж исходя из того, что она Стрельникова мучила и, кажется, собралась бросить, и вовсе можно было не любезничать. А попросту оттаскать за волосы.

– Ты что, его бросаешь? – спросили у неё девчонки, и смотрели при этом недоверчиво, и в то же время с вызовом.

– Его нет, – сказала тогда им Алёна. Причём, сказала правду. Плечами пожала. – Я не могу бросить того, кого со мной нет.

Как и боялась, её едва не побили. Хрупкие девчонки, которые накинудились на неё с обвинениями и с кулаками. А Алёна сбежала от них и закрылась в подсобке, и довольно долго слушала ругань с той стороны, и как они пинали и колотили кулаками в дверь.

Она была глупой и злой, а ещё напуганной. Будь Алёна взрослее и разумнее, наверное, сделала бы над собой усилие, и написала бы Сашке письмо. Всё, как есть. Потому что именно так было бы правильно. Попробовать объяснить, может быть, попросить прощения, и обязательно с ним проститься. Сказать, что дело совсем не в нём. Но её пугает жизнь в этом городе, и жизнь с ним, если честно, тоже. Потому что, несмотря на все его положительные качества, несмотря на то, что он её, может быть, любит, ведь у них, по сути, никого нет, кроме друг друга, но что будет с этой любовью даже через год, не знает никто. И Сашка, с его страстью к авантюрам и мечтами о сытой жизни, окружённый друзьями, которым ничего не стоит ограбить кого-нибудь в переулке, особых надежд на будущее тоже не подаёт. И Алёне не верилось в их совместное будущее. Она ещё не знала, чего хочет сама, чего ждёт от жизни, просто потому, что саму жизнь не знает, но смириться с судьбой и ждать Стрельникова, и что он сотворит с её жизнью, не могла.

Самый главный день в её жизни, не лучший, но определённо главный, это тот, когда она купила билет до Москвы на поезд. Самый дешёвый билет, в плацкарт, на проходящий поезд, но она его купила. На отложенные с огромным трудом деньги, копейки, которые получилось заработать в забегаловке неподалёку от детского дома. Ей даже не доверили обслуживать посетителей, в основном, водителей грузовиков, что приезжали на местный продуктовый рынок, и заходили пообедать. Алёна полгода мыла посуду на маленькой, грязной кухне, и выносила мусор. Три часа в день. Что за это время можно заработать? Но она откладывала и откладывала на билет, а всё потому, что однажды её посетила безумная мысль уехать в Москву. В столицу, в огромный мегаполис, это ведь город надежд, об этом сняли столько фильмов, написали столько книг, об этом рассказано столько реальных историй. Как люди приезжают в столицу из провинции, одинокие и нищие, и устраивают свою жизнь. Находят любовь, становятся известными, на них сваливается богатство. А чем она хуже?

И в этих мечтах было столько надежды, даже не на лучшее будущее, а на какую-то вселенскую справедливость. Казалось, что ей непременно должно повезти. Раз до этого её жизнь была полна разочарований, то что-то должно измениться, главное, сделать один смелый шаг. Спустя годы, оглядываясь назад, Алёна приходила к выводу, что она сделала смелых шагов чересчур много. По молодости не особо задумываясь о последствиях, она рубила с плеча, далеко не сразу сумев понять, что за её плечом нет ангела-хранителя, и лишь она может уберечь себя от беды. И поэтому необходимо стать осторожнее. Но, с другой стороны, кто ответит: будь она тогда осторожнее, оказалась бы она спустя десять лет рядом с Вадимом, наслаждаясь долгожданной стабильностью и уверенно глядя в завтрашний день? Несколько необдуманных шагов и привели её сюда. За них стыдно, и вспоминать о прошлом неприятно, но свои результаты они принесли.

Москва оказалась совсем не тем городом, о котором Алёна мечтала. Не сказкой, не полной возможностей, и все надежды, которые её долгое время подпитывали, довольно быстро начали таять. В столице не на что было надеяться. Здесь нужно было крутиться, вгрызаться зубами в любую возможность удержаться на плаву, порой перешагивать через людей. И первое время Алёна приходила в себя, стараясь смириться с новой реальностью. Огромный, агрессивный, никогда не засыпающий город буквально изумил детдомовскую девочку, приехавшую из глухой провинции. Алёна помнила, как стояла на вокзале, с рюкзаком за спиной, в котором уместились все её вещи, всё, что у неё было в её жизни, включая прошлое, настоящее и будущее, и у неё тяжело колотилось сердце. От страха. Она впервые чего-то так сильно испугалась. Вышла на перрон, поняла, что это не её город, и вот тогда испугалась. Вдруг осознала, что ей некуда идти.

Настолько некуда, что страшно выйти из здания вокзала и оказаться в лабиринте улиц, где нет ничего знакомого.

– Девочка, ты почему здесь сидишь? У тебя документы есть? Сколько тебе лет?

Вечером к ней подошёл патруль, и двое бравых хлопцев уставились на неё совсем не по доброму. Подозрительно и придирчиво.

Алёна знала, что выглядит моложе своих лет, особенно, когда заплетает волосы в две косы. С первого взгляда больше тринадцати и не дашь. А стражи порядка смотрели хмуро, и Алёна побоялась врать. Пришлось показывать паспорт, и билет на поезд, который привёз её сюда. Патрульные проверили паспорт, покрутили билет в руках.

– И что ты здесь сидишь? – поинтересовались они. – Приехала, так иди туда, куда приехала.

Паспорт ей вернули, и Алёна поторопилась его спрятать обратно в рюкзак.

– Мне пока некуда, – проговорила она негромко.

Мужчины переглянулись, весьма красноречиво. Тот, что постарше, даже вздохнул, но для Алёны повторил:

– Тебе нельзя оставаться на вокзале, иначе придётся тебя задержать. Оно тебе надо?

Алёна отрицательно качнула головой.

– Вот именно.

– Понаедут в Москву, – сказал другой, разглядывая Алёну, – прям с вокзала в поп-дивы думают попасть. Иди отсюда.

Алёна поднялась с неудобного кресла, взяла свой рюкзак, понимая, что через пару минут окажется, в буквальном смысле, на улице. Старший заметил её нерешительность, а когда его напарник двинулся дальше, негромко поинтересовался:

– У тебя деньги есть?

Алёна насторожилась, кинула на мужчину колкий взгляд.

– Тут через улицу, – он даже направление указал, – в красном доме, хостел есть. Совсем недорого.

Алёна непонимающе смотрела на него.

– Что?

Мужчина невольно усмехнулся. Повторил:

– Хостел. Там переночевать можно. Ступай туда. А на вокзале больше показывайся, а то задержат.

– Спасибо, – тихо проговорила Алёна, и направилась через зал к выходу.

На улице уже начало темнеть. Алёна вышла на площадь трёх вокзалов, и первую минуту стояла, будто оглушённая. В нос ударил запах выхлопных газов, какой-то быстрой еды и собиравшегося дождя. Люди спешили мимо неё, иногда толкали плечами, кто-то аккуратно обходил, кто-то недовольно бубнил под нос, а Алёна привыкала. К шуму, запахам, к суете вокруг. К гулу и сигналам автомобилей, которые двигались непрерывным потоком мимо.

В хостеле оказалось вполне терпимо, по крайней мере, Алёне ужаснуться не захотелось. Довольно чистенькие комнаты, двухъярусные кровати, постельное бельё выдали. А в конце коридора туалет, и душевая кабина присутствовала. Патрульный на вокзале сказал, что здесь совсем недорого, но Алёна скрепя сердце отдала за первые сутки треть всех своих сбережений. И опять же мысленно ужаснулась. Если она срочно что-то не предпримет, точно окажется на улице, и случится это уже через пару дней. При том, что она совсем не будет есть, а кушать, между тем, хотелось. Маленький пирожок, купленный на вокзале после обеда, совсем не насытил.

С соседями, правда, не слишком повезло. Компания гастарбайтеров, шумных и громогласных, они разговаривали между собой на непонятном языке, смеялись и косились с любопытством. Алёна забралась на верхнюю полку, повернулась к ним спиной, обняла свой рюкзак, и долго лежала, чутко прислушиваясь к тому, что происходит в комнате. Но сон всё же взял своё, она уснула под разговоры и смех, а когда утром проснулась, оказалось, что никого, кроме неё, в комнате нет. Все разъехались.

Первый день в Москве прошёл незаметно, и никаких перемен в жизнь Алёны не внёс. Она пешком исходила все близлежащие улицы в поисках хоть какой-то работы, на транспорт, даже общественный, денег не было, да и потеряться в лабиринте улиц и запутаться в незнакомых автобусных маршрутах боялась. И когда под вечер вернулась в хостел, усталая и голодная, на соседней койке обнаружила рыжеволосую девушку. Крепко сбитая, лицо в веснушках, улыбка задорная, а зубы белые-белые. Алёне ещё подумалось: как у молодой лошади.

– Я Дарья, – представилась новая соседка. – А тебя как зовут? – Она поднялась, и Алёна поняла, что девушку природа и ростом не обидела.

Дашкиному облику не хватало хрупкости. От неё било уверенностью, желанием познать мир и человеческую природу до самой глубины, и скрывать свои желания у неё никак не получалось. Назвать Дашку красавицей с первого взгляда на неё как-то не получалось. Взгляд цеплялся то за яркие волосы натурального морковного цвета, то за крупный нос, то за пухлые губы, а мужики, наверняка, смотрели ниже, на пышную грудь в смелом вырезе кофточки. Так уж получалось, что она сама от себя внимание отвлекала. Далеко не сразу удавалось взглянуться в её лицо, посмотреть в глаза, чтобы запомнить черты её лица в целом. Но Даша, без сомнения, не могла оставить человека равнодушным, и если сразу не вспомнишь её лицо, то впечатление, что она на тебя произвела, обычно наскоком, долго не забывалось.

В вечер их знакомства хостел снова был забит до отказа. Проезжие, командировочные, туристы, гастарбайтеры. А они сидели на Дашкиной кровати на нижней полке, в полумраке, и болтали. И Алёна не могла вспомнить, с какой ещё девочкой, девушкой за всю свою жизнь могла проговорить так долго, а уж тем более чем-то с ней поделиться. Выяснилось, что Даша старше неё на два года, и приехала в Москву становиться звездой. Из Самарской области.

– Я классно пою, – заявила она, откусывая от красного яблока. Алёну тоже накормила, тем, что было в её сумке, и лишь отмахнулась, когда та отказываться принялась. Возможно, разглядела голодный блеск в глазах. – Хочу звездой стать.

Это была крутая мечта, поспорить было нельзя. К тому же, Дашка не спрашивала чужого мнения, она делала заявление. Что она хочет того-то и того-то. И Алёна подумала, что это здорово – точно знать, чего ты хочешь.

– А ты? – спросила она. Алёна лишь плечами пожала. Дашка глаза на неё вытаращила. – Что, не знаешь, зачем в Москву приехала?

– Знаю, – негромко отозвалась Алёна. – Чтобы что-то изменить.

– Ну, Москва – подходящий для этого город, – глубокомысленно проговорила Даша. И тут же бдительно поинтересовалась: – Ты поёшь?

– Никогда не пробовала.

– И не пробуй, – решила новая подруга. – Петь буду я. Зачем нам конкурентками становиться? Особенно, с твоей физиономией.

Алёна нахмурилась, на Дашу посмотрела непонимающе.

– А что с моей физиономией?

– Уж слишком она симпатная.

– Никогда об этом не думала, – призналась Алёна.

– Да ладно! – насмешливо протянула Даша. – И никто тебе об этом не говорил?

– Парень... бывший, – призналась Алёна. – Но ему ведь положено. А больше никто.

– Странно. Где же ты росла?

– В детдоме, – сорвалось с языка прежде, чем Алёна успела обдумать свой ответ.

А Дашка глаза на неё вытаращила, но затем с сочувствием кивнула.

– Понятно. И что делать дальше собираешься?

Алёна помрачнела.

– Работу искать. Но это оказалось не так просто, мне ещё восемнадцати нет.

– А когда будет?

– Через полгода.

– Не обдумала ты этот вариант, подруга.

– Я просто хотела поскорее уехать. Документы отдали, и я сразу на поезд.

Дашка хлопнула себя по коленке.

– Ладно, что-нибудь придумаем. А пока надо завтра отсюда сваливать.

Она глянула через плечо на людей, что занимали соседние кровати. В хостеле не было разделения на мужскую и женскую половину, и увидеть здесь можно было немало.

– У меня девчонка знакомая в Москве живёт, комнату в коммуналке снимает. Обещала помочь в первое время. Завтра переедем к ней.

Поверить в такую удачу было сложно. И, признаться, рядом с пышущей жизненной энергией и уверенностью Дарьей, стало не так страшно и одиноко. Но Алёна всё же заметила:

– Не думаю, что она обрадуется, если ещё и я свалюсь ей на голову.

Даша лишь отмахнулась.

– Мы, приезжие, должны друг другу помогать. К тому же, она моей сестре обещала. Это её подруга. Она уже три года в Москве.

Три года в Москве и всё ещё снимает комнату в коммунальной квартире. Перспективы не радужные.

Вот так и началась жизнь Алёны в столице. И она не уставала благодарить свою удачу за то, что свела её с Дашей. Иначе хоть пропадай. А, сев новой знакомой и своей удаче на хвост, Алёна на следующий день перебралась в комнату в большой коммунальной квартире. Комната была маленькая, тёмная, заставленная громоздкой мебелью, а дверь хлипкая, словно фанерная. А за ней длинный коридор с точно такими же дверями, холодная ванная комната с чугун-

ной ванной, с пятнами ржавчины и облезлой эмали, а в довершение кухня, с несколькими газовыми плитами, пропитанная весьма неприятными ароматами готовящейся еды. У каждого жилья своей. Бельё надлежало сушить в своей комнате, есть там же, по коридорам не бегать, и в свою очередь мыть длинный коридор и туалет. И, кажется, не было минуты в сутках, чтобы в квартире было тихо, никто не говорил, не кричал, не включал телевизор, где-то за стенкой не звонил телефон. Но всё равно, это было лучше, чем хостел, здесь была дверь, своя комната, и иллюзия личной жизни. Хоть какого-то порядка.

– Хозяин грозит всех выселить, – рассказывала им Света, Дашкина знакомая, что согласилась их приютить на первое время. – Говорит, дом снесут, но пока ничего, живём.

Дашка уплетала макароны с тушёной, кивала и чему-то радовалась. А Света наставительно продолжила:

– Работу ищите. В Москве без работы нельзя. В конце месяца квартплату на всех делим.

Даже это заявление порадовало. Впереди целый месяц, и это казалось огромным отрезком времени. В течение которого всё непременно должно наладиться. Или хотя бы поменяться. И по Дашкиному лицу Алёна прочитала, что она подумала о том же. Что у них-то за месяц точно наступят перемены.

Перемены наступили, правда, лишь в том плане, что получилось найти работу. В кафе у одного из вещевых рынков, там не стали придирааться к возрасту Алёны, видимо, проверка не боялась, и взяли официанткой. В кафе захаживали посетители специфического склада, в основном, торговцы не славянской внешности, они разговаривали между собой и с хозяином на родном им языке, а на Алёну посматривали с усмешкой. Всё это жутко напрягало, но выбора не было, и Алёна стойко терпела масляные взгляды и неприличные замечания. Правда, уже успела показать, что может за себя постоять, однажды едва отрезав палец столовым ножом одному из завсегдатаев кафе, особенно смелому и приткому. Была уверена, что после этого инцидента её уволят, но хозяин, узбек с лоснящейся лысиной, лишь хмыкнул, а затем с лёгкостью лишил её заработка за день, в качестве наказания.

Бегать с подносом приходилось шесть дней в неделю по десять часов. Нелёгкая работа. К тому же, готовили в кафе узбекскую кухню, и уже спустя неделю работы, Алёна для себя уяснила, что не терпит всё, что там готовят. От запахов порой начинало мутить. А её лишь подгоняли и прикрикивали.

Вечером, оказавшись дома, на своём матрасе на полу, хотелось тишины, забыться, но Алёне казалось, что она вся пропахла пловом и мантами, и этот запах не уходил, сколько бы она не тёрла себя мочалкой. И она лежала, уткнувшись носом в подушку, чтобы ничего не чувствовать.

– Алён, ты спишь?

Алёна перевернулась на спину, вздохнула в темноте, сложила руки на животе. Прошла пара секунд, прежде чем она откликнулась на голос подруги. Даша лежала в метре от неё, на таком же матрасе, и сейчас подпёрла голову рукой, приподнявшись.

– Не сплю.

– Устала?

– А то.

– Хреновая у тебя работа, – согласилась Дашка. – Правда, и у меня не лучше, но всё-таки не так противно. Хотя, по ночам тоже попадают отморозки. Приезжают, пальцы гнут.

Дашка устроилась на бензозаправку, и исполняла там все роли разом. Принимала деньги за бензин, рулила в магазинчике, варила кофе и грела пирожки в микроволновке. А порой и машины заправлять помогала, пытаясь заработать лишнюю копейку.

– А Светка-то замуж собралась, – шёпотом проговорила Даша, пользуясь тем, что старшая подруга отсутствует.

Алёну эта информация заинтересовала, она тоже на локте приподнялась, на Дашку в полумраке уставилась.

– Да ну? За Толика?

– Конечно, за кого ещё.

Алёна снова легла, провела ладонями по одеялу на животе.

– Наверное, это хорошо.

– Да чего хорошего? Он такой же приезжий. На стройке отделочником батрачит. Ни жилья, ни перспектив. Она уже заикнулась, что к нему в Воронеж уедут, к маме его. Вот и вся мечта о столичной жизни.

– А, может, она и не мечтала?

– Светка не мечтала? – Дашка громко и насмешливо фыркнула. – Всё я знаю, о чём она мечтала! Они с моей старшей сестрой лучшими подругами в школе были. Светка в Москву подалась поступать, по нашим меркам, у неё неплохие шансы были, но это же Москва. Кого тут красным школьным дипломом удивишь? Не поступила, так и осталась. Третий год в супермаркете на кассе сидит. И ничего ей больше не светит. Кроме Толика, конечно.

– Не говори так.

– Что есть, то есть.

Из кафе Алёна уволилась в тот же день, как ей исполнилось восемнадцать. Это и было подарком, наверное, самым главным. Она никому ничего не была должна, так же, как и ей, даже зарплату за отработанную неделю не заплатили. Просто указали на дверь. Не хочешь работать, катись. И Алёна выскочила из кафе с его удушливыми пряными запахами, взглянула на хмурое осеннее небо и сделала глубокий вдох, неожиданно почувствовав себя свободной. Отныне она совершеннолетняя и может делать, что захочет. А вечером они с девчонками сидели в комнате, за тонкими стенами которой кипела бесконечная жизнь, как и в самой столице, огромном мегаполисе, что не затихал ни днём, ни ночью. Их коммуналка очень была похожа на Москву, суетой и гамом, маленькое отражение в огромном зеркале. Даша и Света решили отпраздновать день рождения Алёны, пусть с жареной картошкой и бутылкой дешёвого вина, но, наверное, это был самый лучший день рождения в её жизни. Первое, когда кто-то позаботился о том, чтобы её поздравить.

– Что теперь делать будешь? – спросила её Дашка, уплетая картошку. – Без работы?

– Найду другую, – пожалала Алёна плечами. – Теперь я всё могу.

– Это точно, – поддержала её Света. И достала из-под дивана подарочный пакет. Протянула Алёне. – Вот, возьми, на удачу.

Алёна в первый момент замерла, после чего укоризненно глянула на девчонок.

– Ну, зачем вы?

– Бери, бери, – замахали на неё руками.

– Это тебе для везения, – сказала Даша, когда Алёна достала из пакета пусть недорогое, но настоящее платье. Её первое платье в жизни. – Тебе работу искать, а в этом ты скорее её найдёшь, чем в своих джинсах и футболках. Здесь по одежке встречают. Это же Москва, детка! – закончила она нравоучительно.

Света неожиданно пихнула Дашу в бок.

– Хватит картошку жрать, – шикнула она на неё. – Тебе же на прослушивание идти послезавтра. Опять скажут, что ты толстая.

– Я не толстая, – обиделась Даша. – Я фигуристая.

– Ага, – съязвила Света, – будешь это продюсерам объяснять.

А Алёна сидела, прижав к себе платье. Посмотрела на подруг, и проникновенно проговорила:

– Спасибо, девчонки. Мне никогда платьев не покупали. А уж тем более, не дарили.

– Ты в нём красавицей будешь, – заверили её.

Следующий год в Москве, да и последующий за ним, помнились смутно. Работа, в основном, с подносом в мелких кафе, жизнь в коммуналке, к которой Алёна довольно быстро привыкла. В конце концов, иначе она никогда и не жила, у неё всегда всё было общее. А вот Дашка частенько жаловалась и скандалила с соседями. Света от них, на самом деле, довольно скоро съехала, вышла замуж за своего Толика и уехала с ним в Воронеж. Дашка её ругала, но Света выглядела счастливой, и Алёна подругу в какой-то момент одёрнула. Предложила заняться поиском собственного счастья. Со счастьем как-то не складывалось, ни у той, ни у другой, за работой, порой по двенадцать часов в день, с не частыми выходными, о женском счастье задумываться получалось редко. Рядом появлялись молодые люди, говорили комплименты и красивые слова, но никому из них отчего-то не верилось. Наверное, из-за сальных взглядов и чересчур нахальных рук. А Алёна, когда ей приходило в голову погрузиться, вспоминала Сашку. Думала о том, как он устроил свою жизнь, ведь из армии вернулся довольно давно, год назад, и какие-то перемены в его жизни должны были произойти. Но Сашке хотя бы было куда возвращаться, он был прописан в родительском доме, и пусть рядом с родителями-алкоголиками, но свой угол у него есть. Прошлую любовь было жалко, и от одиночества временами Алёне хотелось выть и жалеть себя, да так, чтобы и все окружающие её пожалели. Но Москва не тот город, в котором рядом с тобой останутся, чтобы послушать о твоих бедах и несчастьях. Здесь у всех полно своих проблем.

Дашке тоже не везло. Она настойчиво ходила на прослушивания и кастинги, одно время даже пела в ночном ресторане, но долго там не задержалась. Считала, что ею попользовались и выставили за дверь, но на самом деле проблема была в её неуживчивом характере, Алёна даже намекала ей на это не раз, но Дашка слушать не хотела. Она была из той категории людей, что принимались колотить в закрывшуюся перед ними дверь и требовать справедливости. Вот только справедливость они понимали по-своему, в свою, исключительно в свою пользу.

Почти два года они прожили в тесной комнате коммуналке, и Алёне даже стало казаться, что роднее человека у неё никогда и не было. Конечно, Дашка не была подарком, они время от времени ругались, но, в основном, из-за каких-то мелочей и глупостей, как и все девчонки, сёстры или лучшие подруги. И, наверное, так и было. Всё вместе. Оставшись вдвоём в Москве, они столько всего пережили, перетерпели, бывало, что вместе оказывались без работы, и тогда главным было – где-то раздобыть денег на оплату аренды комнаты, чтобы «добрый» хозяин коммунальной квартиры, не вышвырнул их пинком на улицу. Оказаться без крыши над головой, казалось самым страшным. Однажды, был такой момент, когда Дашка пела в переходе, было стыдно, Алёна стояла рядом с ней, мимо проходили люди, большинство с равнодушными лицами, а они, две взрослые девахи, зарабатывали на кусок хлеба последним оставшимся способом. Правда, уже через час их погнали хмурые молодчики в кожаных куртках, перед этим предложив альтернативу заработку пением, и пришлось уносить ноги. И Алёна помнила, как они бежали по серым ноябрьским улицам прочь от того пешеходного перехода, поскользываясь на грязном асфальте и задыхаясь. А когда остановились за углом какого-то магазина, Дашка, пытаясь отдышаться, проговорила:

– Ну, уж нет, дудки! Это слишком опасный бизнес.

Алёну их неудачи не особо расстраивали, а уж тем более разочарований, сбивающих с ног, она не испытывала. Переживала, конечно, но, в основном, насчёт того, что поесть и где заработать денег, чтобы заплатить за квартиру. Конечно, хотелось большего, то есть, больше денег, но где их взять, было не ясно, и поэтому повода расстраиваться из-за этого, Алёна тоже не находила. А вот Дашка нервничала. И чем больше времени проходило, тем заметнее это становилось. Приходя с очередного провального для неё кастинга, она пылала от возмущения и негодования, и не хотела этого скрывать. Плохими были все, начиная от продюсеров и заканчивая наёмным персоналом, что убирал залы и меня куллеры с водой. Точнее, забывал убирать и забывал менять. А уж про других конкурсантов, особенно, про тех, кому повезло

пройти злосчастный отбор, и вовсе слушать было грустно. Алёне было подругу жаль, потому что мечты той откровенно рушились. У неё вот мечты, как таковой, кроме той, чтобы жить хорошо и сытно, никогда не было, и поэтому никакие душевные разочарования её не преследовали. А Дашка злилась, из-за этого много курила, и теряла голос. Сама это понимала, но исправить ситуацию не спешила. Как-то, залив своё горе в клубе несколькими бокалами вина, призналась:

– Скачусь до ресторанного уровня, буду петь поздравительные гимны за пятьсот рублей с носа, и никуда больше не полезу. Потеряет меня большая сцена.

Сказала это, и рассмеялась. А вот Алёна смеяться не стала, ей Дашку стало по-настоящему жаль. Возможно, её мечта и была глупой, детской, недостижимой, но она была. И Даша приехала в столицу именно за тем, чтобы воплотить её в жизнь. Ведь дома её ждали родители, сестра, целый полк родственников, что звонили дважды в неделю, волновались за неё и ждали домой. А Дашка врала им, что у неё всё в порядке, что её вот-вот покажут по телевизору, и в Самарскую область обратно ей не хотелось. Будь Алёна на её месте, наверное, давно бы бросила всё и уехала домой. Потому что бросать было особо нечего, а где-то там, пусть и далеко – дом, её любят и ждут. Это у неё выбора нет, а Дашка свой сделала, пошла за мечтой.

– А ты? – спросила её Дашка как-то. Они с утра успели поскандальить, снова из-за какой-то бытовой ерунды, и обычно Алёна лишь отмахивалась от их перепалок, не считая их серьёзными и важными, быстро забывала, да и Даша поступала также. Но в последние пару месяцев подруга здорово злилась. На себя, на неё, на свои неудачи, и так просто отмахиваться от её вечного недовольства и придирок уже не получалось.

– Что я? – переспросила Алёна, не глядя на Дашу. Собиралась на работу, и это был повод на подругу не смотреть, и увернуться от очередного неприятного разговора, в который Даша активно старалась её втянуть.

– Так и будешь бегать с подносом по грязным кафешкам, и больше ничего не сделаешь?

– Что ты предлагаешь мне сделать?

Даша развела руками.

– Хотя что-то. Алён, ты в Москве больше двух лет, а на тебя посмотришь, выглядишь так, будто вчера с поезда сошла!

Алёна, на самом деле, не слишком часто покупала себе обновки. Во-первых, денег на новые вещи не хватало, а, во-вторых, она не привыкла к разнообразию нарядов. У неё в шкафу до сих пор висело одно-единственное платье, которое девчонки подарили ей на восемнадцатилетие. Она надевала его по особым случаям, и считала, что этого вполне достаточно. Не на работу же ей наряжаться, для роли официантки вполне сойдут джинсы, а форменную футболку ей выдадут. А вот Дашка модилась, большую часть зарплаты тратила именно на шмотки, к тому же, родители присылали ей денег каждый месяц, хоть и немного. На них Дашка жила, а зарплату спускала на платья и туфли, говорила, что это необходимо для имиджа и успеха.

– Приди я на прослушивание, как ты, как мальчишка-оборванец, мне точно ничего не светит.

Алёна так не считала, была уверена, что главное голос и харизма, но спорить с подругой не решалась. В конце концов, она, в отличие от Дашки, ни на одном кастинге не бывала, так что, может, она и права.

– Я просто не понимаю, – выговаривала ей в тот день Дашка, – неужели ты не хочешь добиться большего? Тебе достаточно мизерной зарплаты и вот этой комнаты? Так и будешь спать на полу?

– Чего ты хочешь? – разозлилась на неё Алёна. – Чтобы я на панель пошла? Или в том переходе встала?

Дашка остановилась перед ней, упёрла руку в бок, а взглянула с неприятным вызовом.

– То есть, по-другому ты заработать не можешь?

– Иди ты к чёрту, – выдохнула Алёна, не выдержав нравоучений. – Можно подумать, ты можешь!

Дашка вдруг ахнула, обиделась, Алёна по её глазам это поняла. Щёки вспыхнули гневным румянцем, и она знакомо заголосила, правда, в этот раз обратив своё негодование на Алёну:

– Да где бы ты была, если бы не я? Забыла, как с голода помирала в том вокзальном хостеле?

Отвечать ей Алёна не стала. Взяла сумку и из комнаты вышла, правда, не забыв громко хлопнуть за собой дверью.

Злиться на Дашку было бессмысленно. Алёна прекрасно знала, что это очередной взрыв неудовлетворённой творческой натуры, что Дашка остынет, и будет просить прощения, но почему-то в этот раз было особенно обидно. Конечно, уже завтра она простит подругу, они обнимутся, повздыхают и придут к решению бороться с жизненными трудностями дальше, вместе, но сегодня было горько. И, наверное, от этой самой горечи Алёна решила последовать Дашкиному совету. Взять и что-то изменить. Зашла в торговый центр недалеко от работы, и купила себе платье. Короткое, блестящее, расшитое пайетками. Изумительного стального оттенка. Совершенно не представляла, куда в нём может выйти, но ей так захотелось это замечательное, удивительное и ненужное ей платье. А ещё туфли к нему. Истратила на обновления почти все отложенные деньги, но решила не ругать себя. Для чего-то же она деньги копит, так почему не для себя?

Ссора определённо затянулась. Дашка обижалась на неё, отмалчивалась, а когда увидела, как Алёна демонстративно примеряет платье, и вовсе надулась, как индюк, и от неё отвернулась. Надо сказать, что ей было, на что обратить внимание. Алёна и сама в первую минуту замерла перед зеркалом, удивлённо глядя на себя. Платье сидело, как перчатка, облекая фигуру. И выяснялось, что фигура у неё всё же есть, и она сама привлекательна, а если улыбнётся, то может быть обаятельной. Просто под футболками неопределённого размера её фигуру было не рассмотреть, Алёна и сама к себе не присматривалась, крутясь между работами и столами с подносами. Проще всего было проснуться утром, закрутить волосы в хвост, надеть джинсы, кофту и бежать по делам, зарабатывать деньги. Редкие вылазки в попытке развлечься, тоже не приносили особых перемен. Алёна настолько привыкла к своей внешней простоте, не доверяла комплиментам, что даже в зеркало на себя смотрела будто сквозь собственное отражение.

– Мы идём в клуб, – сообщила она Даше. – С девочками с работы. – И примирительно предложила: – Ты хочешь пойти со мной?

Дашка гордо отвернулась, помолчала, перебирая свои наряды в шкафу. Затем сказала:

– Нет. У меня много дел.

Если честно, Алёна немного расстроилась из-за её ответа. Надеялась на примирение, но Дашка неожиданно заартачилась. И Алёне ничего не оставалось, как пожать плечами.

– Как знаешь.

Кинула ещё один взгляд на себя в зеркало, взяла сумочку и из комнаты вышла, проклиная про себя чужое упрямство.

Ссора с подругой совершенно не радовала. Алёна никак не могла отвлечься от этих мыслей, но в то же время раз за разом вспоминала Дашкины слова. В последнее время подруга всё чаще их произносила, намекала на то, что в жизни Алёны ничего не меняется, что она ничего не хочет менять. Наверное, потому, что ей не достаёт способностей, ума, таланта. Дашка и Свету в пример приводила, в пример плачевный. Что, мол, тоже не смогла, уехала, оказалась неудачницей, и с её слов выходило, что лишь она старается и что-то делает, а в жизни нет даже намёка на справедливость, раз удача не поворачивается к ней лицом. Конечно, можно было бы сказать Дашке, что она к себе несколько необъективна, и что Света была в чём-то

права, и Дашке не стоило свои переживания заедать, ведь за два года жизни в Москве, нажитый лишний вес совершенно её не украсил. Но Дашка сразу начинала злиться, стучала кулаками по столу и требовала увидеть в ней душевную красоту и несокрушимый талант. Ну, и кто бы взялся с ней спорить? Алёна не спорила. Может быть, зря.

– Девушка, что вы пьёте?

Алёна отвлеклась от своих мыслей, вспомнила, что скучает за стойкой бара ночного клуба, пока девчонки вовсю веселятся, танцуют, и, кажется, познакомились с молодыми людьми, что активно им улыбаются. Алёна глянула на них через плечо, прежде чем посмотреть на молодого человека, что обратился к ней с вопросом. Он сидел на соседнем с ней высоком стуле, в расслабленной позе, пристроив локоть на барной стойке, и на неё поглядывал. С любопытством. И Алёне впервые в жизни стало настолько неловко под мужским взглядом. Который не был сальным, похабным, наглым. Но молодой человек буквально раздевал её взглядом, ощущал каждый изгиб её тела под блестящей тканью платья. Затем поднял взгляд к лицу Алёны и всмотрелся пристально-пристально. После чего вдруг протянул к ней руку и смахнул с её лба чёлку. Алёна отшатнулась от него и выдала кое-что из своего детдомовского прошлого. Сашка Стрельников всегда мастерски ругался матом, и Алёна поневоле запомнила некоторые фразы, и сейчас своими знаниями блеснула. Брови молодого человека взлетели вверх, без сомнения, удивлённо, после чего он захохотал. Затем окинул Алёну ещё одним взглядом, уже более внимательным и заинтересованным. И в следующий момент его ладонь едва ощутимо стукнула Алёну по спине в районе лопаток. А ей незнакомец сказал:

– Не горбись. И пиво больше никогда не пей. – Щёлкнул пальцами, привлекая внимание бармена. – Серёг, сделай девушке martini. – На Алёну посмотрел, прямо в глаза, и сообщил: – Меня зовут Валера.

4 ГЛАВА

Сейчас уже бессмысленно гадать, кто свёл её с Валерой. Бог или дьявол. Он появился в её жизни, не спрашивая на то разрешения, и ему совершенно не нужна была её любовь, даже хорошего отношения он не ждал. Поначалу Алёна растерялась, не понимая, чего же он от неё хочет, чего ждёт. Валера таскался за ней по пятам, говорил на непонятные темы и забирал её с работы на машине. Дашка снова злилась, считала, что Алёна с ним встречается, и называла Валеру не иначе, как московским пижоном. Он, на самом деле, производил такое впечатление. Ухоженный, подтянутый, стильно и дорого одетый. Даже часы на руке Валеры, не говоря уже о спортивной машине, стоили дороже, чем вся жизнь Алёны. Он был красивым молодым человеком с обложки глянцевого журнала, ему ещё не было тридцати, но проблем с деньгами он не знал, хотя, про работу Алёна от него слышала крайне редко. Что-то про трейдинговую компанию, банковские операции, но для неё это было лишь набором непонятных слов, и расспрашивать дальше она посчитала для себя лишним. К тому же, и знать особо не хотелось, потому что Валера своей настойчивостью её если не пугал, то вызывал здоровую настороженность. Не было похоже, что он ею увлёкся, что она ему нравилась, наоборот, он без конца её поучал и тыкал пальцем в её недостатки. Она не так ходит, не так разговаривает, не умеет себя вести, не умеет одеваться и краситься. Алёна злилась, отмахивалась от него, время от времени едва ли в драку с ним не кидалась. Но Валера относился ко всему философски, и своё поведение объяснял тем, что решил взять над ней шефство.

– На хрена ты мне сдался со своим шефством? – удивлялась Алёна.

Валера откровенно морщился, когда она ругалась матом, затем расстроено вздыхал и в сотый раз повторял:

– Не ругайся, не горбись, ешь с ножом и вилкой.

Порой доводил Алёну до белого каления. Тогда она начинала колотить его кулаками по плечам и груди, и требовать:

– Оставь меня в покое!

Ещё больше напряжения возникало из-за того, что Дашка то ли просто злилась, то ли вздумала поревновать. И, избавившись от Валеры, Алёна оказывалась наедине с подругой, которая принималась зло подшучивать.

– И что он в тебе нашёл? Не отстаёт. Может, он маньяк?

– Может, – соглашалась Алёна, и назло подруге говорила: – Зато красивый и богатый.

– Разрежет тебя на части, и тебе будет всё равно, красивый он или нет. И деньгами не поделится.

– Хоть ты оставь меня в покое, – просила Алёна.

Дашка возмущённо пожимала плечами и фыркала.

– Ради Бога. Я тебя предупредила.

В один из дней Валера нахально заявился к ним домой, с невозмутимым видом прошёл по длинному коридору коммунальной квартиры, заглянул на общую кухню, Алёна очень надеялась, что ужаснётся и исчезнет из её жизни. Но Валера повёл себя совершенно обратно, и стал появляться в их коммуналке едва ли не ежедневно. Зля и приводя в недоумение своим внешним видом и дорогими фирменными шмотками остальных жильцов. А, в первую очередь, Дашку. В какой-то момент, когда обстановка обострилась донельзя, Алёна рискнула навязчиво нового друга попросить о помощи. Не для себя, для подруги.

– Помоги Дашке, – сказала она. – Ей совершенно не везёт с прослушиваниями. Два года бьётся и ничего.

Валера удивлённо вздёрнул брови.

– И что я должен сделать?

Алёна нахмурилась, предчувствуя отказ.

– У тебя что, нет знакомых? Которые могут...

– Знакомых, которые могут, – передразнил её Валера, – у меня полно. Но при чём здесь твоя Дашка?

Алёна разозлилась.

– Тебе трудно?

– Нет, не трудно. Но я не вижу перспектив.

– А со мной, значит, видишь? – зло рассмеялась Алёна.

– С тобой вижу, – неожиданно согласился он.

Алёна отвернулась от него, чувствуя непреодолимое желание чем-нибудь в него запустить, и Валера это, наверняка, чувствовал, но всё же подошёл и потрепал её по волосам.

– Котёнок, ты пойми одно. У твоей Дашки нет ни одного шанса. Времена Фроси Бурлаковой давно прошли. Да и талант у неё, я бы сказал, не ахти какой. Слышал я, как она в клубе пела. Это довольно примитивная история. У девочки были любящие родители, бабушки, дедушки и так далее, которые с детства ей твердили, что она чрезвычайно талантлива. Она в это поверила, с этой мыслью выросла, и теперь ей крайне трудно принять действительность.

– Что она петь не умеет?

– Что она толстая корова, у неё даже взгляд, как у коровы. Печальный и жующий. Она жрёт даже глазами.

– Тебе не стыдно?

– Нет, – подивился он. – Я сказал тебе правду. Могу сказать и ей.

– Только попробуй, – предостерегающе шикнула на этого правдоруба Алёна.

Но то ли Валера всё-таки что-то такое Дашке сказал, то ли её нетерпимость по отношению к нему обострилась сама по себе, но каждый визит Валеры стал заканчиваться скандалом. И Даша даже его присутствия не стеснялась, требовала, чтобы он убрался, а Валера лишь посмеивался, совершенно не впечатлённый её воинственным настроением, и заявлял, что он пришёл не к ней. И тогда оба смотрели на Алёну, чтобы она сейчас и немедленно приняла решение, а ей становилось сделать это всё труднее и труднее. Умом понимала, что предавать подругу после трёхлетнего знакомства, после всех невзгод и трудностей, что они прошли вместе, это подло, и выбрать, наверное, надо её. Но, в то же время, с уходом Валеры, отношения между подругами никак не улучшались, они продолжали ссориться и предъявлять друг другу всё новые и новые претензии, Даша была здорово зла на неё, за что-то. И Алёна очень хотела понять, за что именно. И когда Валера уходил, а то и не появлялся несколько дней, Алёна вдруг понимала, что ей даже поговорить не с кем. Дашка слушать её с некоторых пор не желала, занималась своими делами и проблемами, даже перестала с ней делиться чем-то для неё важным, скрытничала и молчала. И оставаясь с ней вечерами наедине в тесной комнате, Алёна чувствовала себя будто в тюрьме, и уже сама мечтала о том, чтобы объявился Валера и от всего этого её спас, увёз куда-нибудь. Хотя бы на один вечер.

– Ты, правда, думаешь, что этот пижон на тебе женится? – спросила её Даша в один из дней.

Алёна, ещё не успевшая толком проснуться и подняться с постели, недовольно на неё покосилась.

– С чего ему на мне жениться? Мы даже не целовались ни разу.

– Он, точно, маньяк, – зло хмыкнула Даша. – Или, может быть, гей?

– Может быть, – отозвалась Алёна, всё ещё надеясь избежать скандала. – Мне всё равно.

– Наверное, в этом всё дело, – деловито покивала Даша. – Он гей, и хочет тобой прикрыться. Будешь женой скрытого гея. А что, совсем неплохо. Останешься в Москве.

Алёна с нехорошим прищуром наблюдала за ней.

– Даш, ты что такая злая в последнее время? Бесишься, что он для прикрытия тебя не выбрал? Думаю, ты бы не отказалась даже таким способом в Москве остаться, да?

В Алёну полетела подушка, потом ещё одна, она вскочила, подняла одну из прилетевших подушек с пола, и с удовольствием огрела ею Дашку по голове. Та взвыла, после чего заголосила:

– Ты идиотка! Я причёску целый час делала! Мне на прослушивание идти!

Алёна подушку кинула на её диван и возмущённо сдула со щеки прядь волос. И вот тогда сказала:

– Может, уже посмотришь правде в глаза и поедешь к маме с папой? Кажется, им куда больше нравится твоё пение, чем всем московским продюсерам.

Дашка уставилась на неё, не мигая, и, кажется, впервые промолчала. Отвернувшись от Алёны, и той захотелось, правда, захотелось попросить прощения, сказать, что она так совсем не думает, но обида хлопотала в горле, и Алёна промолчала. Вместо извинений, поторопилась собраться и уйти на работу. У неё было ещё два свободных часа перед началом смены в кафе, но оставаться дома не хотелось. Ещё два часа либо ругаться, либо сидеть в тягостной тишине. Но чего Алёна совсем не ожидала, так это того, что вернувшись вечером, не найдёт в комнате ни подруги, ни её вещей. Только короткую записку на столе, слишком короткую, состоящую из одного слова: «Переехала».

Если человек переехал в Москве, то искать его, словно иголку в стоге сена. Даже приниматься не стоит. А, может, и, на самом деле, не стоит. Неужели дружба прошла?

С этим было очень трудно смириться. Но пришлось. Ещё один человек ушёл из её жизни. Человек близкий, почти родной, но ставший почему-то чужим со временем.

Тогда Алёна первый и последний раз плакала у Валеры на плече, а тот похлопывал её по спине и ронял скупые слова сочувствия. И тогда же Алёна попала в самую неловкую ситуацию, которую могла о себе припомнить. А их было немало, весьма немало. Но тогда она почему-то решила, что у Валеры на неё всё-таки планы определённого рода, не зря же он столько недель таскается за ней и наводит, как он считает, порядок в её жизни. Наверняка, он в неё влюблён, раз пытается решать её проблемы, и приезжает по первому зову. Просто мнит себя джентльменом, а то и вовсе героем, проявляет понимание и такт, так почему бы уже и не осчастливить парня. Раз уж ему так хочется. И Алёна его поцеловала. Сама, намекая, что она не против развития отношений, раз уж ему так хочется. Может, права старая истина: стерпится – слюбится? И она сможет разглядеть для себя в Валере какие-нибудь особо положительные качества.

Она его поцеловала, а он поцелуй принял, а когда Алёна отодвинулась, потому что было бы странно продолжать виснуть у него на шее без всякой ответной реакции с его стороны, Валера рассмеялся. Не зло, скорее, снисходительно. И потрепал Алёну по щеке, опять же, как котёнка, которым её называл. И сказал:

– Прости.

Стыдно и неловко было безумно, до стука барабанов в ушах. Алёна отодвинулась от него на другой край дивана и тогда уже зло и настойчиво поинтересовалась:

– Что тебе от меня надо?

– Не это. По крайней мере, не сейчас. – Он разглядывал её с насмешливой улыбкой. Похлопал ладонью по обивке старого дивана, призывая придвинуться обратно, но Алёна смотрела зло и колко. И Валера вздохнул. – Я хочу предложить тебе работу, – сказал он. И тут же исправился: – Точнее, я хочу предложить тебе другую жизнь. А работу буду давать тебе я.

– Какую ещё работу?

– Сложную, – не стал скрывать он. – Но если ты научишься всё делать правильно, в твоей жизни больше никогда не будет проблем. По крайней мере, проблем с деньгами.

– Мне уже не нравится.

– А что тебе нравится? – решил поинтересоваться он. – Жить здесь? Таскать подносы в забегаловке среднего пошиба? Одеваться на рынке в китайские шмотки? Что из этого тебе особенно нравится? Ты одна, детка, ты никому не нужна. Даже подруга сбежала. Но ей есть куда и к кому возвращаться, кому ей помочь, а ты? Мы с тобой одиночки, мы должны помогать друг другу. И я хочу тебе помочь, чтобы потом ты помогла мне.

– Мне нечем тебе помочь. У меня ничего нет.

– У тебя есть твоя красивая мордашка. – Валера снова пристально взгляделся в её лицо. – Ты, на самом деле, не понимаешь, насколько ты красива? Я увидел тебя в клубе, и обалдел. Даже я обалдел.

– Почему даже ты? – Алёна не сдержала злого смешка. – Или ты, правда, гей?

– Я не гей, – спокойно ответил он, – хотя, в этом городе этого никто не стыдится. Но я не гей, котёнок. Просто ты не в моём вкусе. Но я уже сказал: пока. Мне не нужна девчонка из харчевни, у меня другой уровень, мне нравятся другие женщины. Ухоженные и богатые. Ты пока ни то и ни другое. Вот я и предлагаю тебе ухватиться за предоставляемый шанс.

– Предлагаешь мне стать валютной проституткой?

Валера, не скрываясь, рассмеялся.

– Какие фильмы ты смотрела в последнее время? Из восьмидесятых? И я не хочу делать из тебя проститутку. Я хочу сделать из тебя мечту. И выдать замуж. Очень и очень выгодно.

Алёна смотрела в одну точку до боли в глазах.

– То есть, продать, – сказала она ему.

Он отнекиваться не стал.

– Вот видишь, ты совсем не глупая девочка. Но подумай о том, каково будет тебе, удачно проданной, в особняке, с богатым мужем, при больших деньгах. Или ты хочешь наслаждаться жизнью здесь, в старой, вонючей коммуналке?

Алёна посмотрела на него, в упор.

– А какая выгода тебе?

– Я получу свой процент. Придёт момент, и ты заплатишь мне столько, сколько я скажу. – И тут же лучезарно улыбнулся. – Но не переживай, я контролирую свои аппетиты. И лучше тебя буду знать, сколько ты будешь в состоянии заплатить. Так что, мы договорились?

Он протянул ей руку для рукопожатия, чтобы скрепить сделку, а Алёна молчала, и только смотрела на его руку. На пальцы с маникюром, на дорогие часы на запястье, на манжет итальянской рубашки. Внутри боролось желание что-то изменить в своей жизни, и страх перед предстоящим, перед тем далеко не светлым будущим, что предлагал ей этот холёный, уверенный в себе молодой человек.

– Алёна, – поторопил он её.

Она отвернулась.

– Договорились, – проговорила она, так и не подав ему руки.

Руку не подала, потому что, во-первых, было противно от его речей, а, во-вторых, если уж совсем честно, то не совсем верилось, что Валера сам до конца понимает, точнее, представляет, как собирается претворять всё это в жизнь. Потому что для Алёны эти речи и его задумки ничего конкретного не представляли. Богатый муж, большие деньги, афёры и авантюры. Но ответить Валере отказом, означало остаться в большом городе одной. Она не умела заводить друзей, так и не смогла этому научиться, и единственный друг, подруга, её исчезновение из жизни Алёны, лишний раз доказывало сей факт. Как ни горько это было осознавать. Ей повезло встретить на своём жизненном пути Дашку, которая взяла и поддержала её, возможно в самый опасный, самый катастрофичный момент её жизни, когда она могла пошатнуться так, что можно было и не подняться после. И они вместе столько всего прошли, а теперь Дашка ушла в свою, новую жизнь без неё, и Алёна вдруг осознала, что отвыкла быть одиночкой.

О чём-то размышлять, фантазировать, спрятавшись ото всех в углу. И потерять ещё и Валеру, пусть непонятного, пусть с его пугающими планами и идеями, она не осмелилась.

Но, надо сказать, и, наверное, отдать Валере должное, или наоборот испугаться, он превзошёл все ожидания Алёны. Если они, вообще, были. Так глобально, как мыслил Валера, у неё никогда не получалось. А он взял и поменял всю её жизнь. Не в один момент, далеко не в один, но перво-наперво он забрал Алёну из коммуналки и переселил в двухкомнатную квартиру в Измайлово. Не центр, но это была отдельная квартира в приличном доме, и первое время Алёна никак не могла привыкнуть к мысли, что она одна. Как оказалось, она никогда не была одна, не жила одна, не была себе хозяйкой. И первую неделю жизни в новом жилище, не могла спать. Долго-долго лежала в темноте и слушала тишину. К этому невозможно было привыкнуть.

– Не жди быстрых перемен, – сказал ей Валера в какой-то момент. – Меняй себя для начала, учись.

– Чему? – усмехнулась тогда Алёна, и глянула на него с вызовом.

А Валера подошёл и приложил палец к её губам. Надавил, чтобы она не могла ничего сказать.

– Всему, – ответил он. – В первую очередь молчать. Всегда думай, прежде чем говорить. Особенно, если врёшь. – Валера отошёл от неё, сделал несколько шагов по комнате, осматриваясь. – Смотри телевизор, читай книги, журналы, даже если они тебе не нравятся. Учись правильно говорить. Всё зависит от тебя. На данный момент, это твоя работа. Не будешь справляться, вернёшься в свою харчевню, подносы таскать. Я не стану тратить время впустую, Алёна.

– А чем занимаешься ты? – спросила его тогда Алёна. Наблюдала за ним, не скрываясь, наверное, смотрела, как волчонок, но в тот момент её это не беспокоило. – Почему бы тебе самому не жениться на какой-нибудь богатой тётке?

Задавала этот вопрос, считая себя умной и циничной, а Валера вдруг рассмеялся. По всей видимости, над её наивностью.

– А с чего ты взяла, что я не женат?

Она разглядывала его в замешательстве, обдумывала его слова, а Валера смеяться прекратил, но взгляд его был полон снисходительности.

– Ладно, успокойся. Я не женат. – И тут же добавил: – В данный момент.

Алёна нахмурилась, в первый раз задумавшись о том, что все речи, что она от него слышала, могут оказаться куда более серьёзными и реалистичными, чем она себе представляла. Просто наслаждаясь до этого момента жизнью в отдельной квартире, неожиданно свободная от тяжёлой каждодневной работы и размышлений о том, где ещё заработать денег.

– Это что, твой бизнес? – спросила она.

А он плечами пожал.

– Можешь, считать так. И бизнес весьма неплохой, заметь.

– Понятно, – пробормотала она. – И ты решил его расширить. Мною.

– Я никого не держу. Я тебе это уже говорил. – И взглянул со значением. Алёна не нашла в себе решительности продолжать разговор.

Но с того момента всерьёз призадумалась, вечером взяла в руки одну из книг, что Валера принёс. Что-то об истории искусства, Алёна никак не могла вникнуть в суть, наверное, потому, что думала о другом. Продолжала читать, злилась на себя, задавала себе вопрос: зачем ей всё это надо, но приходил новый день, и в старую жизнь возвращаться никак не хотелось. У неё появились новые вещи, наряды, о которых она и мечтать не смела, красивые платья и туфли. Валера, правда, оказался учителем требовательным, порой тираном, и все свои вложения старался оправдывать, Алёна временами даже не выдерживала, и говорила ему, что она всё-таки не игрушка и не вещь. Не надо обращаться с ней, как с бездушной, строптивой девкой. А потом задумывалась о том, в каком свете Валера её видит? Может, именно в таком? И, может быть,

это справедливо. Ведь она продала ему себя, за возможную выгоду в будущем. И жаловаться не должна.

Валера покупал ей одежду, учил вести себя правильно, разговаривать сдержанно, а после отправлялся с ней в ресторан или на выставку, показывал, как куклу, в новых нарядах, с лучезарной улыбкой, знакомил с людьми, а, на самом деле, каждый раз устраивал ей экзамен, а после дотошно проговаривал все ошибки. Не ругал, но его нудные речи в такие моменты Алёна ненавидела больше всего, потому что чувствовала себя неполноценной деревенщиной под его недовольным взглядом. Обучение, если его можно так назвать, продолжалось долго. Месяц за месяцем придинок, обвинений, исправлений, ссор и криков Алёны. Она злилась и переживала, потому что понимала, что начинает принимать эту жизнь такой, какой её показывает ей Валера. И ей нравится комфортное, обеспеченное существование, ей нравятся магазины и рестораны, а в её голове поселились совсем другие мысли, не только о том, как выжить в большом городе. Хотелось большего, хотелось удовольствий и развлечений, которых у неё никогда не было. И Алёна прекрасно понимала, насколько это опасная дорога. И что свернуть с неё будет очень трудно.

Когда она освоилась настолько, чтобы начать общаться с людьми, не пугая их своей необразованностью и непосредственностью, Валера начал знакомить её со своими друзьями и приятелями. Знакомых у него было много, и всех он называл близкими, всем он улыбался и радовался при встрече, казалось бы, совершенно искренне. Правда, всё это было спектаклем, но своей обворожительной улыбкой Валера окружающих подкупал. Алёна наблюдала за ним, поначалу стараясь оставаться в стороне, улыбалась и вступала в разговор, когда её просили, но со временем, Валера принялся её подталкивать к более решительному поведению, и это было очередной ступенью обучения.

– Это Алёна, – представлял он её всем, кого видел, – моя двоюродная сестра из Новосибирска.

– Какого Новосибирска? – удивилась она шёпотом, в первый раз услышав от него эту байку. – А вдруг меня спросят о Новосибирске, а я ничего не знаю.

– Значит, тебе есть, чем заняться на досуге, – отрезал Валера, тоже шёпотом. Отодвинул для неё стул за столиком ресторана, одновременно улыбнулся очередному знакомому, и шикнул на свою подопечную. – Улыбайся.

Улыбаться надо было всегда. Скромно, задумчиво, порой смущённо. А когда перед ней стоял мужчина, то улыбнуться, стеснительно отвести глаза и вновь посмотреть. А если её ловили на этом манёвре, Валера принимался хохотать, обнимал Алёну за плечи и громогласно заявлял друзьям:

– Девочку не трогать и не смущать. А то её родители мне по шее надают. Она приехала посмотреть на Москву.

– И что вам особенно понравилось, красавица? – спрашивали её, обычно сладко улыбаясь и разглядывая, разглядывая.

А Алёна невинно распахивала глаза и решительно заявляла:

– Всё.

И мужчины смеялись и умилялись.

А вот оказываясь вдали от знакомых, Валера переставал улыбаться, и вёл себя, как заправский шпион, придумывающий очередную легенду. Такой «сам себе сценарист». Однажды появился у Алёны дома, а вёл он себя в её квартире, как хозяин, хотя, так и было, появлялся, когда хотел, открывал дверь своими ключами, и положил на кухонный стол перед ней дипломные корочки. Алёна к ним потянулась.

– Что это?

– Это твоя новая жизнь, – сказал он ей. – Школьный диплом, ты окончила школу в Новосибирске, причём, заметь, без троек. И поступила в торгово-экономический колледж. – Он

взмахнул рукой, в порыве задумчивости, по всей видимости, сочиняя на ходу. – Но что-то у тебя не задалось, ты забрала документы и уговорила родителей отпустить тебя посмотреть Москву. Возможно, продолжить обучение здесь.

– И на кого я училась? – хмыкнула Алёна.

– Прочитай сама и запомни, – нетерпеливо проговорил Валера, кинув на неё миллионный недовольный взгляд. – По всей видимости, торговать и экономить. В нашей стране торговля самый выгодный способ заработать на жизнь. Торговать можно всем и со всеми. С такой профессией не пропадёшь.

Алёна потёрла кончик носа.

– И за сколько ты это купил?

– Какая разница? К тому же, дорого было бы купить диплом, а я купил зачётную книжку и справку об отчислении после второго курса. Проверять никто не станет. Но легенда у тебя есть. Только рассказывай её поправдоподобнее, побольше женской блажи во взгляде в этот момент. И ни один мужик слушать и задавать вопросы не станет.

– Мне так и играть роль дурочки?

– Пока тебе не стукнет двадцать пять, придётся. Потом начнёшь уметь. – Валера ухмыльнулся. – На глазах.

– А ты?

– Я поумнел в тот момент, когда мне исполнилось тридцать.

Признаться, сведения о его возрасте Алёну удивили.

– Я думала, тебе ещё нет тридцати.

– Что ты, деточка. – Алёне достался снисходительный, насмешливый взгляд. – Я скоро буду совсем старенький.

– И что?

– Что?

– Что было в твоей жизни до тридцати?

Валера задержал на ней задумчивый взгляд, но затем лишь усмехнулся.

– Когда-нибудь я тебе расскажу. Когда немножко повзрослеешь.

Кажется, Валере тоже было проще смотреть на неё, как на глупую малолетку, которая улыбается всем встречным мужчинам, но при этом никакого умысла в её улыбках и взглядах быть не должно, Валера всегда от неё этого требовал. А он своё дело знал, и не прошло и пары месяцев, как все его знакомые были от Алёны в восторге. Правда, это относилось, в основном, к мужчинам, а то, что с девушками отношения не складывались, Алёну не слишком заботило. Дружить с девочками у неё не получалось, она в этом убедилась уже не единожды, к тому же, Валера женскую дружбу не приветствовал, только в пределах задуманного, не выходя за рамки оговоренного заранее плана действий.

– Бабы – это болтовня, слухи, сплетни, а в нашем случае, лучше этого избегать, – говорил он. – Сосредоточься на деле. Потом себе подружку найдёшь, если захочешь.

Для всех она стала младшей сестрёнкой Валеры Зиновьева. Он водил её по ресторанам, театрам, клубам. Одевал и баловал напоказ. А задачей Алёны было наслаждаться жизнью, звонко смеяться и болтать милые глупости. Быть очаровательной и лёгкой в общении, научиться влюблять в себя мужчин. Правда, Алёна не задумывалась о том, влюблялись ли они в неё на самом деле. Если честно, не замечала и не чувствовала, не считала, что это любовь, но прошло совсем немного времени, и её начали приглашать на свидания, дарить цветы и подарки, даже по магазинам сопровождать, частенько оплачивая милые безделушки и новые платья. Каждый раз, как она появлялась дома с фирменными пакетами из дорогих магазинов, Валера начинал улыбаться и потирал руки, наверное, в ожидании той самой сказочной прибыли. Но ей радоваться и наслаждаться успехами запрещал, постоянно напоминал

о том, что к главной цели они ещё не подступали, они её ещё даже не выбрали, и расслабляться рано.

– Просто пользуйся тем, что эти глупцы тебе дают. – Он время от времени подходил к Алёне, придвигался близко-близко, приподнимал пальцем её подбородок, и смотрел в глаза. Очень проникновенно и вдумчиво. – Ты это заслужила, ты много работала над собой. Ты очень красивая девочка.

И Алёна каждый раз от его слов, голоса, глубокого, долгого взгляда начинала трястись мелкой дрожью, а со временем в такие моменты в ней начало просыпаться желание. Ей хотелось, чтобы Валера её поцеловал. Он был таким красивым, холёным, умным и смелым. Он так много знал об этой жизни, с такой уверенностью её направлял, что она невольно поддавалась на его обаяние. На то самое, которое он называл наигранным и притворным. Но, наверное, всё же знал, как оно действует на женщин, раз пользовался им вовсю. Но Валера ни разу её не поцеловал. Кажется, ему это даже в голову не приходило. Они были знакомы год, он практически жил в её квартире, разве что не ночевал, чувствовал себя хозяином положения, решал все проблемы Алёны, а смотрел на неё только как на подопечную, на статуэтку, которую предстояло пристроить в надёжные руки. И Алёне всё сильнее хотелось ему что-то доказать. Она сама понимала, что за последний год сильно изменилась, кажется, даже поверила в ту историю, в ту легенду, что сочинил для неё Валера, в свою притворную, удачливую жизнь в большом городе Новосибирск. И, если честно, впервые в жизни вздохнула полной грудью, избавившись от детдомовского прошлого и голодного детства дома, от образа матери-алкоголички, так и маячившего у неё за спиной до самого совершеннолетия, да и позже. А тут она превратилась в милую, добрую девочку из порядочной семьи, которая хлопает ресницами, что-то шепчет на ухо успешным молодым людям и мужчинам, а те смеются и треплют её по коленке. С ними даже спать было не обязательно. Это даже было противопоказано, тем же Валерой, со стороны Алёна должна была казаться воздушной и неземной, неосквернённой.

– Именно на такой захотят жениться, – говорил он Алёне, посмеиваясь над чужой наивностью. – Это сейчас самый дорогой и недоступный товар. Невинность. Но, – в этом месте Валера всегда разводил руками и тяжело, наигранно вздыхал, – в наших реалиях ждать встречи с девственницей слишком глупо. Так что, постараемся сохранить девственно чистую совесть и репутацию.

Алёна закусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Сплю только с тем, кого люблю?

Валера кивал и нравоучительно тыкал пальцем в потолок.

– Причём, любишь всей душой, не забывай об этом.

– Как скажешь, братик, – отзывалась Алёна, а Валера начинал улыбаться. Всякий раз, как она называла его братом, он начинал улыбаться, чему-то несказанно радуясь. А Алёну это злило. И запрещала себе думать о том, насколько она может быть глупа, чтобы влюбиться в Валеру.

Она не была ему нужна. Да и он не был ей нужен, просто он внезапно оказался в центре её мира, стержнем его. Алёна на него смотрела, слушала, равнялась на него. И у неё снова никого больше не было. Как-то так получалось в её жизни, что, встретив кого-то для себя важного, она внутренне отгораживалась от всего остального мира. Видела только этого человека, привязывалась к нему, и терять его было тяжело. Так было с Сашкой, с Дашей, теперь вот Валера, который, как паук, плёл вокруг неё свою паутину, но ему не нужна была она, он ждал миллионного бонуса. Это было горько и обидно осознавать. Потому что все вокруг были от неё в восторге, стоило ей улыбнуться, и один Валера не таял и не умилялся её ямочкам на щеках и тёплому взгляду зелёных глаз. Наверное, потому что знал, что всё это притворство. И поэтому у Алёны не было никаких шансов пробиться к нему, не в голову, а к сердцу.

К тому же, он давно ей во всём признался, ещё в самом начале. Она была не в его вкусе, потому что любовь была его работой. Валера крутил романы с богатыми, частенько взрослыми женщинами, которые дарили ему подарки, покупали машины и давали деньги на его бизнес-затеи, не обращая внимания на то, что эти затеи никогда в жизнь не воплощались. От его улыбок, ласковых рук и, наверное, горячих поцелуев, они забывали обо всём на свете. По сути, Валера был альфонсом. Но, несмотря на этот свой «маленький» недостаток, он был идеальным мужчиной, он не обманывал, не воровал, не обводил своих возлюбленных вокруг пальца и не сбегал. Он был настолько обворожителен, что они сами готовы были ему всё отдать, и заплатить ещё больше, лишь бы он их не покидал. И со всеми своими бывшими пассиями Валера оставался в дружеских отношениях, всех целовал при встрече, как родных, и делал комплименты. И делал их так, что их новым кавалерам становилось неудобно за собственную ограниченную фантазию, а женщины вновь вспоминали прошедшую, казалось бы, любовь, и мечтали Валеру вернуть в свои горячие, щедрые объятия.

– Это самое важное, – твердил он Алёне, – никогда не переступать черту, не делать людям зла. Пусть воспоминания о тебе будут одними из самых светлых в их жизни. И они сами, если возникнет необходимость, предложат тебе свою помощь. Поэтому слушай, присматривайся, и будь такой, как они хотят. А как только ты перестанешь соответствовать их идеалу, они сами тебя отпустят, но будут вспоминать и не забудут поблагодарить.

– Ты не считаешь это ложью?

– Нет. Это небольшое притворство. Наша с тобой работа – делать людей счастливыми. По-моему, о такой работе мечтает любой. – Валера улыбнулся. – А то, что эти люди ещё и богаты, не так важно. У каждого свой финансовый лимит на счастье.

Первый серьёзный кандидат в мужья встретился Алёне только через год. Молодой бизнесмен, сын дипломата, он увидел Алёну в театре, в шикарном белом платье в пол, подошёл и представился. Даже спустя много месяцев светской жизни, Алёна была несколько обескуражена. Была уверена, что, в конце концов, будущего супруга или хотя бы претендента в женихи, для неё выберет Валера. Совсем не ожидала встретить харизматичного брюнета, точнее, поймать на себе его долгий взгляд на расстоянии, а спустя несколько минут увидеть его перед собой, с бокалом шампанского, что он ей преподнёс. Подобное знакомство всё же произвело впечатление. Борис Качалин. Тридцать три года. Женат не был, детей не имел, алиментов никому не платил. Родители постоянно проживают в Европе. Руководит семейным бизнесом, производством медицинского оборудования. Вроде бы идеальный кандидат. Молод, богат, хорош собой. Он красиво ухаживал, дарил цветы, драгоценности, а на день рождения преподнёс Алёне и вовсе роскошный подарок, автомобиль. Они встречались полгода, Валера наблюдал за развитием их отношений со стороны, и не вмешивался до поры, до времени. Так долго не вмешивался, что Алёна успела увериться в том, что Валеру кандидатура Бориса вполне устраивает. Валера стал гораздо реже появляться у неё в квартире, сразу после того, как однажды утром столкнулся там с Борисом. Ничего не сказал, правда, вслух посетовал, что сестрёнка совсем взрослая становится, чем Бориса посмешил. А когда спустя некоторое время разговор зашёл о том, чтобы Алёна переехала из Измайлово в более престижный район, Борис брался сам всё устроить, снять для Алёны другую квартиру, больше и шикарнее, вот тогда Валера и задал ей тот самый вопрос:

– Ты хочешь за него замуж?

Признаться, она растерялась. Задумалась, после чего пожала плечами. Но уже через минуту попробовала возмутиться.

– Он подходит по всем параметрам!

Валера спокойно развёл руками.

– Я и не спорю. Ты отлично сыграла свою роль, ты просто умница. И поймала большую рыбу.

– Золотую, – озвучила своё мнение Алёна.

Валера ухмыльнулся.

– Что ж, может быть. Тебе виднее. Здесь есть одно «но». С Качалиным, детка, придётся жить. Ты к этому готова?

Алёна смотрела на него, не до конца понимая, к чему он ведёт. А Валера к ней подошёл, положил руки Алёне на плечи, и наклонился к ней, заглядывая в глаза.

– Чтобы жить с ним, надо либо любить его, и тогда я тебя от души поздравлю. Либо очень сильно любить его деньги, чтобы им просто радоваться. Ты что любишь из этого?

Алёна осторожно перевела дыхание.

– Ничего.

Валера отодвинулся, отступил на шаг и спокойно сообщил:

– Тогда это не наш вариант. Конечно, можно попробовать поиграть с Качалиным в развод, но я уверен, что ничего не выйдет. Он не из той породы. Он не слабак, не дурак, у него характер есть. Если он поймёт, что ты вышла за него из-за денег, то сделает всё, чтобы испортить тебе жизнь. И мне заодно. Не получим ни копейки, но приобретём массу проблем. Говори ему «до свидания». Всё это слишком затянулось.

Алёна расстроено вздохнула, откинулась на диванные подушки, а Валере напонила:

– Он только что подарил мне «корвет».

Валера отмахнулся.

– Ты всё равно водить не умеешь.

– Я научусь! Я на курсы записалась!

– Учись, – согласился он. – А машину верни.

Алёна покорно кивнула.

– Хорошо.

Расставание с Борисом прошло для Алёны довольно легко. Даже не помнила, чтобы грустила, скучала или всплакнула по нему. Постаралась сделать всё так, как учил Валера. Начала проявлять характер, принялась капризничать, чего-то требовать в те моменты, когда Борис было откровенно не до неё, и спустя несколько недель Качалин сам намекнул на разрыв. Вот тут пришлось видимо опечалиться, посетовать на то, что взрослой быть не так уж просто и весело, а в знак своего хорошего отношения к бывшему любовнику, Алёна предложила вернуть ему подаренный ей автомобиль. Чем, по всей видимости, произвела впечатление. Правда, не стала приписывать сию внезапную мудрость себе.

– Валера сказал, что это очень дорогой подарок, – списала она это решение на названного брата. – Сказал, что я должна его вернуть.

Борис выглядел обескураженным. Даже уговаривать её принялся.

– Это совершенно ни к чему. Я подарил его тебе.

– Знаю. Но я всё равно не умею водить. Так что, возьми его обратно. И не отказывайся, – Алёна положила ладонь на колено Бориса и заглянула в глаза. Без всякого намёка, тепло улыбнулась. – Я знаю, что ты хотел меня порадовать, и порадовал. Но это слишком.

– Ты умница, – похвалил он её, так, как хвалят пятилетнего ребёнка. – Надеюсь, что мы с тобой останемся друзьями.

Алёна улыбнулась широко и открыто. Поспешила кивнуть.

– И я на это надеюсь.

И в знак их продолжающейся дружбы, вместо автомобиля у неё появилось жемужное кольцо. С заверениями искренней дружбы и всяческой дальнейшей поддержки от Бориса Качалина. Кстати, кольцо Алёне приглянулось куда больше, чем автомобиль. Почему-то.

– Вот видишь, – похвалил её Валера, – ты всё схватываешь налету.

– Что совсем неудивительно, – пропела Алёна, продолжая крутиться перед зеркалом, – в конце концов, мы одна семья.

Валера хмыкнул, после чего засмеялся.

– Совершенно верно.

С будущим мужем, Фёдором Вагнером, всё-таки её познакомил Валера. Одним из вечеров, когда они ужинали в ресторане вдвоём, он кивком указал Алёне за крайний у окна столик. Она поначалу даже не поняла, что именно он ей показывает. Была в тот вечер расслаблена, настроена романтично, ей нравились ароматные свечи, расставленные на столах в преддверии Дня всех Влюблённых, надо полагать, который в столице праздновать не забывали. И Алёне нравилось то, что она проводила этот вечер в компании Валеры, и никого из знакомых на горизонте заметно не было. После расставания с Борисом прошло несколько месяцев, и, признаться, Алёна начала успокаиваться, считала, что жизнь её сложилась, или, по крайней мере, складывалась в том направлении, которое её вполне устраивало, и о необходимости замужества она стала задумываться всё реже и реже. Даже названному братцу в новогоднюю ночь она призналась, что, оказывается, мужиков вокруг так много, а она об этом раньше и не задумывалась. Не замечала, занятая мелкими повседневными трудностями. И все они, как один, готовы восхищаться, помогать, поддерживать, в том числе, и финансово, а ей для этого нужно лишь улыбаться и с невинными, медовыми интонациями говорить им «спасибо».

– Тебе просто повезло, – отмахнулся от неё тогда Валера. – Что родилась с ангельской мордашкой. Но это не навсегда, детка, придёт момент, когда твоё место на пьедестале захотят занять другие. И, поверь, ждать не так уж и долго. Тебе сколько, двадцать три? Часики тикают. Надо успеть найти тихую гавань до того момента, как тебе на пятки начнут наступать молодые и наглые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.